

ГРАНИ  
ВЫБОРА

ВЕРА КАМША



К в я щ е й  
с л а в е  
ч е л о в е ч е с к о й

ИЗБРАННЫЕ  
МИРЫ

**Вера Викторовна Камша**  
**К вящей славе человеческой**  
**Серия «Кесари и боги», книга 1**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=159831](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159831)*

*К вящей славе человеческой: Эксмо;*

*ISBN 978-5-699-25278-7*

**Аннотация**

В один горький день, очень давно, люди пролили кровь, свою и чужую, там, где это опасно было делать. Эту историю знают многие, но никто не может ее рассказать.

В один страшный день герой войны и опора престола был заколот в собственном доме, а его добродетельная жена, и башмаков не износив, утешилась с убийцей. В одну неудачную ночь слишком гордый и слишком храбрый человек потребовал от памятника явиться в указанное место в указанный час. Может быть, вы думаете, что знаете и эту историю.

Не в один день, но тоже слишком быстро королева прекрасной страны отдала эту страну в руки своего духовника, который слишком много думал о врагах бога и слишком мало о самом боге. Эту историю вы знаете. Но, может быть, в этот раз все получится немножко иначе.

# Содержание

К вящей славе человеческой	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	55
Глава 6	78
Глава 7	95
Глава 8	104
Глава 9	113
Конец ознакомительного фрагмента.	118

# **Вера Викторовна Камша**

## **К вящей славе**

### **человеческой**

© Камша В.В., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

# К вящей славе человеческой

*Льву Вершинину*

*Автор благодарит за оказанную помощь  
Александра Бурдакова, Егора Виноградова,  
Ирину Гейнц, Дмитрия Касперовича, Даниила  
Мелинца, Ирину Погребецкую и Михаила  
Черниковского.*





# **Часть первая**

## **Муэнская охота**

### **Муэна**

### ***1570 год***

## **Глава 1**

### **1**

Дрожащее марево окутывало полусонную от зноя Муэну, а солнце было белым и злым. Средь выгоревших холмов торчали недвижимые руки мельниц. Ветра не чувствовалось, даже самого жалкого. Поднятая множеством копыт дорожная пыль превращала грандов, солдат и слуг в серых мельников. Что поделать, на дорогах в августе все кони сивы, а все всадники – седые. Недаром в эту пору путешествуют ночами, но солдату не ослушаться приказа короля, а любящему мужу – супруги, особенно если та готовится дать жизнь наследнику.

Тридцатипятилетний Карлос-Фелипе-Еухенио, герцог де Ригаско, маркиз Вальпамарэна, полковник гвардии и кавалер ордена Клавель де ла Сангре, выразительно вздохнул



и поправил прикрывавший нижнюю часть лица шёлковый шарф. Никто не виноват, если Инес вбила в свою головку, что лишь молитва Пречистой Деве Муэнской спасёт её от смерти родами. И уж тем более никто не виноват, что прошлую ночь они провели не в молитвах. Увы, уступив вечерней звезде и брошенным к её ногам розам, Иньита поутру почувствовала себя дурно.

Объявив себя великой грешницей, дурочка отказалась от завтрака, ограничившись водой из колодца, и потребовала запрягать. Сопровождающий герцогиню врач-ромулянец укоризненно качал лысой головой и предрекал всевозможные осложнения. Инес плакала, Карлос покаянно молчал и вспоминал малышку Ампаро, которой интересное положение не мешало плясать с кастаньетами ночи напролёт. Правда, Ампаро была не герцогиней, а хитаной. Когда плясать стало невозможно, она исчезла, не простившись и не взяв ни золота, ни подарков. Карлос так и не узнал, кому дал жизнь, сыну или дочери. Что ж, не он один. В адуарах<sup>1</sup> голубой крови не меньше, если не больше, чем в жилах самых важных из грандов, а кичливым донам не дано знать, кто же они на самом деле. Сам Карлос, по крайней мере, за добродетель всех своих прародительниц не поручился бы. Может, он и был прямым потомком Адалида, а может, его предок плясал на площадях фламенко, и сеньора в шелках не устояла...

Белая дорога вильнула, огибая очередной холм с очеред-

---

<sup>1</sup> Аду́ар – табор.

ной мельницей, как две капли воды похожей на предыдущую. Не паломничество, а дурной сон, в котором гонишь ко-  
ня вперёд и стоишь на месте. Стоять на месте... Этого де Ри-  
гаско не терпел с детства, хотя возвращений не любил ещё  
больше. Карлос со злостью взгляделся в раскалённые небеса,  
усилием воли спустился на землю и обнаружил, что и там  
есть место хорошему.

Стройная девушка замерла на обочине, разглядывая всад-  
ников. Ей было не больше шестнадцати, и как же она бы-  
ла хороша даже в этой пыли! Герцог оглянулся на карету –  
белые занавески были плотно задёрнуты. Что ж, богомоль-  
цу просто необходимо творить добрые дела. Де Ригаско при-  
держал гнедого и сощурился. Девушка засмеялась. Глаза у  
неё были чёрными и жаркими, в коротких, словно припуд-  
ренных кудрях полыхал алый цветок, вместо креста на смуг-  
лой шейке серебрилось крохотное пёрышко. Хитана, и как  
он сразу не сообразил?

– Куда идёшь, мучача<sup>2</sup>?

– На праздник, мой сеньор, – белые зубы, коралловые губ-  
ки, – в Сургос.

– И много там ваших?

– Много, мой сеньор. – Быстрый взгляд и улыбка, лукавая  
и мимолётная, вроде и видел, а вроде и нет.

– Не знаешь ли ты женщины по имени Ампаро? Она из  
ваших, ей должно быть... – Сколько же плясунье теперь?

---

<sup>2</sup> *Мучача* – обращение к девушке.

Не меньше тридцати, а скорее больше. Сын у неё или дочь? Неважно... Хитаны, любившие чужаков, отдают сыновей братьям, а дочерей – матерям.

– Ей около тридцати, – твёрдо произнёс герцог, – она выше тебя. На левой щеке у неё родинка и ещё одна над верхней губой.

– В нашем адуаре две Ампаро, мой сеньор, но одна старше, а другая младше. И родинок у них нет.

– А в других адуарах? – потянул нить разговора Карлос. Девушка покачала головой. Она больше не улыбалась.

– Мы здесь чужие, мой сеньор. Мы пришли из-за гор, те, кто уцелел... В Виорне больше не пляшут, а поёт лишь та, что вечно косит. Нас принял адуар Муэны, мы не знаем других.

– Здесь вам ничего не грозит. – Рука Карлоса сама рванулась к эфесу. Война не вино, она остаётся в крови надолго. Навсегда.

– Мигелито так и сказал. – Девушка шагнула назад, она хотела уйти.

Герцог оглянулся – карета с белыми занавесками спокойно катилась вперёд. Две женщины – навеки твоя и чужая...

– Как тебя зовут?

– Лола, мой сеньор.

– Мы ещё увидимся, Лола! – Кольцо с рубином угольком взмыло в горячий воздух и упало в раскрытую ладонь. Зачем он обещает встречу? Почему вспомнил ушедшее? Две-

надцать лет – это почти треть жизни, за двенадцать лет можно забыть. И он забыл, а потом встретил белокурую Инес. Они счастливы, они ждут сына, так почему?!

– Да благословит вас Пречистая! – Алый цветок возникает из пыльного омута, рука сама его подхватывает. – Вас и вашу сеньору, если она у вас есть...

## 2

Белые недотроги клонятся под тёплым ветром, целое море белых недотрог. Топтать цветы нестерпимо жаль, но надо идти... Она не должна, не может опоздать к мессе. Инес сделала шаг и замерла на краю долины, глядя на вырастающий из душистых волн храм. Колокол настойчиво звал вперёд, но недотроги хотели жить, им и так отпущен лишь день, и день этот перевалил за полдень.

– Иньита. – Цветы её знают, знают и зовут... Какой знакомый голос, весёлый, насмешливый. – Иньита, проснись. Приехали!

– Хайме, ты?

– Я, – ответили недотроги ломким юношеским тенорком и исчезли. Стало жарко и тревожно. Почему небо обили алым шёлком? Это не к добру.

– Инья, – не отставал братец, – просыпайся!

Инес провела рукой по лицу. Сон был красивым, странным и не желал уходить, если не из глаз, то из памяти.

– Сеньорита! – Верная Гьомар держала наготове губку с ароматическим уксусом. – Позвольте...

– Да, – рассеянно кивнула герцогиня, – Хайме, мне снились недотроги. Их было так много... Мне было нужно в храм, а я не хотела их топтать.

– Ну и не топтала бы, – фыркнул брат, тряхнув тёмными, не то что у неё, волосами. В последнее время Хайме рвался в полк и во всём подражал Карлосу. Ещё бы, шестнадцать лет!

– Видеть храм к великой радости, – разгадала сон камеристка, – но ради неё придётся терпеть и трудиться...

– Инья, – голос мужа прогнал и воспоминания, и предсказания, – ты хотела успеть к вечерней службе? Слышишь, звонят! Мы успели! Вылезай!

Инес благодарно улыбнулась и, подобрав платье, выбралась на подножку. Муэна била в колокола. Торжественный мерный гул сплетался с весёлой болтовнёй украшавших сбрую бубенчиков. Так ручей встречается с морем.

– Ты хотела, – повторил Карлос. Он был весь в пыли, но на груди у него что-то алело. Цветок. Большой и очень яркий. Откуда он взялся? Красные цветы в обители неуместны, красные цветы не растут в пыли...

– Откуда это? – зачем-то спросила Инес.

– Купил, – усмехнулся Карлос, – на удачу! Нам же с тобой понадобится удача?

– Пречистая Дева защитит нас! – Герцогиня, сама не зная почему, крепко сжала руку мужа. – Убери его... Пожалуйста.

– Как пожелает моя сеньора. – Карлос сунул цветок в карман, бережно подхватил жену, прижал к себе и галантно поставил наземь. – По-моему, нас встречают.

Их и в самом деле встречали. Величественная аббатиса неспешно шествовала от распахнувшихся внутренних ворот. Ворот, в которые не мог войти ни один мужчина, если только не посвятил себя Господу. Почему она не подумала об этом? Неделя без Карлоса – это вечность.

### 3

Монахини в белых покрывалах и чёрных венках окружили Инью и увели. Смотреть вслед не имело смысла – балахоны святых сестёр загораживали всё ещё стройную фигурку не хуже готовых сомкнуться ворот.

– Сын мой, – пропела задержавшаяся аббатиса, – обитель рада оказать тебе гостеприимство. Дорога мужчинам в святые стены заказана, но здесь, во дворе святого Флориана, есть приют для мужей, отцов и братьев паломниц. Тебя ждут ужин и ночлег, я же, смиренная, после вечерней службы готова уделить тебе время для беседы.

– Благодарю, святая мать, – сколь возможно вежливо откликнулся де Ригаско, – но я должен... Должен переговорить с командором Хенильей и, видимо, объехать приграничные крепости. По дороге я встретил... беженцев из Виорна. Их рассказ настораживает. От Луи Бутóра и его хам-

мерриан<sup>3</sup> можно ждать любого вероломства.

Имя нового лоасского короля, как и рассчитывал Карлос, возымело действие. Аббатиса, призвав на голову нечестивца грома и молнии, благословила гостя на воинские подвиги и отпустила с миром. Правда, сорвавшаяся с языка отговорка обязывала, но Хенилья подождёт до конца охоты. Встречаться с долговязым занудой не тянуло, но лгать не дело, особенно в святых стенах, а лишний раз объехать крепости не помешает. Герцог подождал, пока аббатиса скрылась за массивными, без тарана не сломать, воротами и обернулся к шурину:

– Нам следует поторопиться. Командор Хенилья ждёт.

– О да, сеньор! – Паршивец не дрогнул и бровью. – Молитесь за наши души, святые сестры, а наши клинки вас защитят.

– Нас защищает Святая Дева, – назидательно произнесла маленькая монахиня, в чью обязанность входило провожать знатных гостей, – но выжечь хаммерианскую скверну – долг мундиалитских<sup>4</sup> рыцарей.

– Мы так и поступим, добрая сестра!

Монахиня опустила глаза, слишком красивые для отшельницы, и, замечая полами просочившуюся в обитель пыль, заторопилась к внешним воротам. Де Ригаско послал гнедого

---

<sup>3</sup> Хаммериане – последователи Томаса Хаммера, мещанина из Миттельрайха, создателя наиболее сильной из реформаторских церквей.

<sup>4</sup> Мундиалитский – принадлежащий к Мундиалитской (Всемирной) церкви.

следом, отчего-то стало грустно. Вечер удлинил тени, но воздух продолжал дрожать от зноя, а залитые светом крыши и шпили казались золотыми.

– Молитвы наши да пребудут с вами и со всеми рыцарями Онсии, – глаза привратницы были тревожными, – будьте благословенны!

– Амен! – подвёл итог Карлос, прикидывая, как половчей пробраться сквозь прижавшуюся к воротам толпу. Внутри обители ночевали избранные, паломниц, пришедших к Пречистой Деве Муэнской, было много больше.

– Расступись! – рявкнул рослый стражник, – Дорогу!

– Дорогу! – подхватил и Лопе. Ординарец со знанием дела направил коня в толпу, и люди нехотя отхлынули от вождённых створок, раздавшись в стороны, словно воды морские. Лошади недовольно фыркали и прижимали уши, скрипела на зубах пыль, женщина в чёрном покрывале лежала ничком прямо на дороге. Невысокий мужчина в потёртой одежде попытался её поднять, она вырвалась и снова уткнулась лицом в сухую землю. Карлос пожал плечами и велел Лопе объехать. Ординарец умело развернул лошадь, паломница и её супруг остались сбоку, женщина так и не встала.

Запахло костром и нехитрой стряпнёй, тявкнула собачонка. Любопытно, сыщется ли в мире хоть один лагерь, где нет ни единого пса? Первый за день порыв ветра взметнул пыль, колокольный звон становился глуше, мешался с шумом толпы. Де Ригаско оглянулся – осаждаемая людским морем оби-



тель на фоне золотящегося неба казалась фреской. Герцог взялся за спасительный шарф и подмигнул шурина:

– Завяжи нос и рот, выберемся на дорогу, пойдём галопом.

– Час с хвостиком, и мы в Сургосе, – проявил осведомлённость Хайме, – а потом? Неужели ты потащишься в пасть к Хенилье?!

– Кого-кого, а тебя бы и впрямь следовало отдать дону Гонсало. На недельку-другую, – протянул Карлос, разглядывая удравшего из отчего дома родственничка. – Такое наказание даже твоего батюшку удовлетворит.

– Я домой не вернусь, – обрадовал Хайме, – я намерен вступить в твой полк и вступлю, а отец поймёт.

– Роскошно, – выразил восторг будущий начальник будущего же героя, – надо полагать, объясняться с доном Антонио и доньей Мартой предстоит мне?

– Не угадал. – Хайме откровенно потешался. – Инья им написала, что боится отпускать тебя одного и что я готов за тобой присмотреть.

– Ты?! – задохнулся от подобной наглости герцог. – За мной?!

– Я, – подтвердил Хайме. – Если ты каждой встречной хитане будешь бросать по рубину, сестра с детьми по миру пойдут.

– Каналья, – с чувством произнёс де Ригаско, – так ты видел?

– Видел, – хихикнул шурин. – Мучача – прелесть. Скажешь, где найти?

– В адуаре, – пожал плечами Карлос, – а может, в таверне или на ярмарке. Захочешь – найдёшь!

– А ты? – соизволил удивиться Хайме. – Я-то думал...

– А вот думать всяким щенкам не по рангу, для этого полковники есть! – отрезал Карлос, вглядываясь в поредевшую толпу. Впереди была неделя свободы, и будь он проклят, если проведёт её всю в обществе Гонсало. Зануда никогда не поймёт, что жить можно не только на войне, и хорошо жить.

– Ты меня берёшь, – удовлетворённо улыбнулся Хайме, – впрочем, я и не сомневался.

– Помолчи, – прикрикнул герцог, догоняя ординарца. – Лопе, как устроили слуг сеньоры и лошадей?

– Их поставили там, где обычно ставят выезд вашей ма-тушки.

– Хорошо. Помнишь, где «Песня паломника»?

– Да, сеньор. Направо от разрушенной башни, за овечьим колодцем. – Лопе вечно говорил, словно выдавливая слова. Тех, кто видел одноухого гиганта впервые, это пугало, но Карлос не променял бы Лопе на роту султанских телохранителей. И даже на армию.

– Хайме, направо, да поосторожней, не задави какую-нибудь паломницу.

– Сам не задави! – огрызнулся шурин. – Постой, ты сказал направо? Но Сургос налево!

– Спасибо, объяснил, а то я не знал, хотя... Отправляю-ка я тебя к командору засвидетельствовать почтение, а сам – к хитанам.

– Хитаны тоже в Сургосе, – вывернулся шурин, – а ты... Ты что, в горы собрался?!

– Дальше, в Виорн, – свёл брови де Ригаско, – Меня давно привлекают хаммериане и особенно хаммерианки. Я решил послушать парочку проповедей.

– Шутишь? – предположил Хайме, но в смешливых глазах мелькнула растерянность. – С ними же с тоски сбесишься!

– А кто сказал, что мир создан для радости? – пожал плечами Карлос и не выдержал, засмеялся, – Ладно, твоя взяла, проповедей не будет. Для начала завернём в «Песню». Альфорка с Доблехо, надо полагать, уже там, я их пригласил, если ты не знал. Надеюсь, бездельники ещё не все проглотили, а дальше... Лично я намерен нанести визит горным кабанам. Приватный, разумеется.

## Глава 2

### 1

Караван был небольшим, чтобы не сказать убогим – крытая повозка да дюжина всадников. Для приличной охоты мало до невозможности, но Карлос собирался набрать загон-

щиков в каком-то Түторе де ла Серро́ха. Заехать в городок присоветовал прицепившийся к столичным гостям пожилой дворянин, только откуда в таком захолустьи хорошие загонщики? Наверняка какие-нибудь увальни на мулах...

– Надо было взять собак в Ригаско, – проворчал Хайме, разглядывая жёсткие от выгоревшей травы предгорья, – бьюсь об заклад, в этой Туторе нам подsunут каких-нибудь дворняг! И аркебузы у нас не охотничьи, и...

– Помолчи! – огрызнулся Карлос, ещё вчера укушенный дурной мухой. – А ещё лучше, подумай. На кого бы мы походили, заявившись в обитель с гончими и кабаньими мечами? Да ещё накануне праздника!

– Собак можно было сразу в «Песню», – заупрямился Хайме, – и загонщиков туда же.

– А то у Инес с Гьомар глаз и ушей нет? – Муж Инес приподнялся в стремянах, обозревая расплавленный горизонт. – Сейчас мы взяли да поехали. То ли в Сургос, к Хенилье, то ли к границе. Ну, погоняли мимоходом кабанов, местные дворяне подбили... А заикнись я об охоте, сидеть бы мне в монастырском приюте до конца празднований, да и тебе тоже.

– Почему? – не понял Хайме, полагавший сидение в четырёх стенах дурной тратой времени. – Нас же всё равно внутрь не пустили бы.

– Женишься – узнаешь, – отрезал герцог и замолчал. Когда Карлос подобным образом обрывал разговор, самым ра-

зумным было убраться подальше, что Хайме и сделал, придерживав Пикаро. Ссора в планы молодого человека не входила никоим образом, тем более Карлос согласился взять родича в полк. Хайме готовился к разговору всю дорогу от Ригаско до Муэны, а он занял пару минут. Родич сперва ругнулся от неожиданности, потом рассмеялся и, наконец, согласился. Надо полагать, вспомнил, как сам в юности удрал на войну под чужим именем. Конечно, наследника де Ригаско скоро опознали, но Карлос успел прослыть храбрецом и счастливчиком. Товарищи простили ему даже титул, а у Хайме де Реваля особых титулов нет. Дворянин и дворянин, не первый и не последний. То есть пока не первый...

Молодой человек верил в свою звезду и не сомневался, что быть ему новым Адалидом<sup>5</sup>, но для начала следовало попасть в армию и на войну. С первым решилось на удивление просто, но войны не предвиделось. Жаль, но ничего не поделаешь! Хайме пару раз щипнул то место, на котором предстояло появиться усам, и присоединился к повозке, вернее, к ехавшим рядом с ней офицерам и местному сеньору. Имя муэнца, как назло, вылетело из головы, но именно он приветливо улыбнулся и заставил солового шагнуть в сторону, освобождая место ещё для одного всадника.

– Вы ведь впервые в наших краях, не так ли? – на правах старшего осведомился муэнец.

---

<sup>5</sup> Адалид – легендарный воитель, освободивший Онсию из-под власти синаитов.

– Да, сударь, – подбоченился Хайме, – но, надеюсь, не в последний. Когда дойдут руки до Бутора, Муэны не миновать.

– Вижу, вы жаждете крови? – подмигнул Себастьян Доблехо. – Со временем это пройдёт. Годам, эдак, к шестидесяти.

– К пятидесяти, – Мануэль Альфórка не мог не спорить, – в любом случае у Хайме до успокоения прорва времени.

– О да! – Доблехо развернулся к муэнцу. – Дон Луис, да будет вам известно, что сей юнец вступает в наш полк.

– От всей души поздравляю! – Дон Луис был сама сердечность, и юноша едва не кинулся к нему на шею. – Насколько я понял, вы родственник герцога?

– Я – брат Инес! – выпалил Хайме, прежде чем сообразил, что провинциал вряд ли знает сестру.

– Хайме – шурин нашего полковника, – уточнил Альфórка. – Надеюсь, ты знаешь, что с тебя обед персон на двадцать?

– Разумеется, – будущий полководец небрежно пожал плечами, – «Повелитель обжор» подойдёт?

– И давно ты там был последний раз? – вкрадчиво осведомился Себастьян.

Хайме предпочёл не расслышать. Тщательно поправив шейный платок, он повернулся к муэнцу:

– Сеньор, а вам доводилось воевать?

– А что было делать, дон Хайме? – Худое лицо стало груст-

ным. – Нельзя же сидеть дома, когда по соседству умирают, но война – это не праздник. Далеко не праздник. Из Муэнского ополчения вернулась едва ли треть. Хаммериане не боятся умирать, они боятся мало убить.

– Сеньор Лихана, – подкрутил усы Альфорка, – не пугайте нашего героя. Тем паче, лоассцам теперь не до нас.

– Но молодой Бутор стал королём, – дон Луис казался удивлённым, – его единовверцы просто не позволят Лоассу соблюдать договор, подписанный покойным Филиппом.

– Через полгода белолобым<sup>6</sup> конец, – отмахнулся Доблехо, – если не раньше. Сколько в Лоассе хаммериан и сколько добрых мундиалитов?

– Еретики упорны и злы, – поморщился муэнец, – и они не боятся умирать. Мы стояли против полка из Виорна, а в этой провинции хаммериане особенно сильны. Я до сих пор не понимаю, как мы выдержали, и не верю, что остался жив. Они бьют, даже умирая... Нет, сеньоры, Бутор не отдаст корону, а его безумная мать и маршал Танти не успокоятся, пока не навяжут свою ересь всем, до кого смогут дотянуться. Вспомните Кровавую свадьбу! Гостей-хаммериан было две тысячи, хозяев-мундиалитов – десять, и где они теперь? В раю. Вместе с королём и королевой-матерью...

– Я слишком долго воевал с Филиппом Дорифо, чтобы

---

<sup>6</sup> Белолобые – презрительное прозвище хаммериан, носивших белые головные повязки с крестами, поверх которых надевались суконные или полотняные белые же шляпы-колпаки.

его оплакивать, – Альфорка хлопнул себя по щеке и с отвращением поднёс к глазам испачканную перчатку, – но в мир с Луи не верю, хоть режьте! Дьявол бы побрал этих мух заодно с пылью. Далеко ещё?

– Нет, – Лихана как-то умудрялся отличать один холм от другого, – сейчас будет Липкая горка. ТUTOR де ла Серроха за ней.

## 2

Это был не город, даже не городок, а городишко, раскалённый, как преисподняя, с узкими улочками, глухими стенами и вездесущей пылью. Впрочем, будь ТUTOR райским садом, Карлоса и тогда бы передёрнуло от отвращения, уж такой день выдался. Герцог угрюмо вытер вспотевший лоб, сам не понимая, зачем ему понадобились кабаны, которых ещё надо найти. Прошрое не догнать, а вот настоящее убить можно. Не следовало оставлять Иньиту в праздник одну. И не важно, что мужчинам вход в обитель заказан, они бы увиделись во время Крестного хода, а потом Инес изменчива, как апрельское солнышко. С неё станется все бросить и помчаться к мужу, а его нет... А если малышка узнает, что он развлекается? Проклятье!

– Мой сеньор, – плотный чернобровый мужчина с цепью алькальда на достойных молотобойца плечах заступил дорогу, улыбаясь улыбкой блаженного. За спиной здоровяка топ-



тался похожий на овцу чиновник с чернильницей на поясе и два умудрённых жизнью альгвазила с надраенными алебардами, – Мой герцог, ТUTOR де ла Серроха счастлив приветствовать вас в своих стенах! Получив письмо синьора Лиханы, я незамедлительно... я тотчас же... я тут же начал искать...

– Благодарю, – перебил Карлос, с трудом сдерживая непонятную злобу. Языческие владыки в подобных случаях удалялись в священные рощи, но у Карлоса де Ригаско под рукой не было ни только рощи, но и приличного дерева. И не будет, пока они не доберутся до Алькóньи с её ущельями и ручьями.

– Я счастлив служить столь высокому гостю, – единым духом выпалил алькальд. И как только он их поймал? Наверняка с утра караулил.

– Сеньор Овехуна, – подал голос подъехавший Лихана, – герцогу де Ригаско, как я и писал, нужны загонщики и проводники. Не позже чем к вечеру. Не волнуйтесь, сударь. Это опытные люди, они в сезон охоты всегда помогают заезжим сеньорам, а сейчас не у дел.

– Им заплатят, – внёс свою лепту Карлос, разглядывая сжатую глухими стенами улочку и вываливших языки собак, не способных не то что лаять – двигаться.

– Загонщики будут счастливы, – воздел руки горе алькальд, – но... Господи! Нас посетил сам герцог де Ригаско! Боюсь, наше жалкое гостеприимство...

– Не бойтесь! – цыкнул упомянутый герцог, нащупывая в кармане влажный комочек. Всё, что осталось от вчерашнего цветка. – Надеюсь, здесь есть таверна?

– «Королевские алмазы», – подсказал Лихана, – через месяц в ней будет не продохнуть, но сейчас для охоты слишком жарко.

– Вижу, – буркнул Карлос. Говорить не хотелось, есть и охотиться тоже, но возвращаться ни с чем глупо, а к вечеру все наладится. Нужно только набрать загонщиков и выехать в горы, где прохлада и тень. В горах можно послать всех к дьяволу, отбиться от кавалькады, разыскать какой-нибудь ручей, сесть на камень и смотреть, как струится вода, ни о чём не думая, не вспоминая, не сожалея.

– Мясо хозяин жарит неплохо, – заверил Лихана. – Я же, с вашего разрешения, наведаюсь домой, посмотрю, чем смогу помочь. В нашей глуши только и забав что охота, так что я собрал сносный арсенал. Конечно, вы привыкли к лучшему...

– Мы привыкли ко всякому, – усмехнулся де Ригаско, – но я предпочёл бы выбрать себе рогатину по руке. После обеда, который вы с нами разделите, как и нашу небольшую экспедицию. Сеньор, я настаиваю.

– Настаиваете? – переспросил Лихана. Он был приятно удивлён. Провинциалу всегда в радость пристать к столичной, но не слишком заносчивой компании. И новости послушаешь, и от местной скуки избавишься.

– Я весьма назойливый гость, – слегка развёл руками Карлос, – и намерен не только выпросить у вас подходящую снасть, но и завладеть вашим временем. Мы, как вы понимаете, не собирались охотиться и плохо знаем местность.

– Мой сеньор, – алькальд разве что не обнимал герцогского коня, и Карлос на всякий случай намотал на руку поводья, – мой сеньор, по счастливому стечению обстоятельств в городе находятся трое из де Гуальдо. Старейшая фамилия... Лучше их Альконью не знает никто.

– Так пригласите их от моего имени, – распорядился Карлос и, спохватившись, полез за кошельком, – загонщики должны быть к вечеру.

### 3

Овехуна суетился и заискивал. Он вечно суетился, заискивал и просил, эдакая бычья туша с заячьим сердцем, хотя зайцы умеют сражаться. Когда нет выхода.

– Хорошо! – поморщился отец. – Мы пойдём и поговорим с этим герцогом.

– Пойдём, – повторил дядя Орасио, берясь за любимую шляпу, – и поговорим.

– Я буду счастлив представить вас герцогу де Ригаско, – завёл свою песню Овехуна, – подумать только, родич его величества и в наших краях!.. Такая неслыханная честь, мы должны сделать всё возможное...

Теперь столичные птицы возомнят, что де Гуальдо по первому их слову на четвереньки встанут, но не пускать же в Альконью без присмотра кого попало. И чего их принесло раньше времени, сидели бы лучше в столице. Леон поморщился и сделал знак «рогов», словно отвращая дурной глаз. Отец поднял бровь, но промолчал – завтрашняя охота ему не нравилась.

Пахло дымом и мясом, за забором надсадно завопил осёл. Зной в городе казался нестерпимым, даже странно, что в десятке миль можно свободно дышать. Странные люди: полгода добровольно жарятся, полгода леденеют под пыльными ветрами. Это страшней любых призраков, но Овехуна и иже с ним шарахаются от непонятного и терпят невыносимое. И будут терпеть, глотать пыль, целовать чужие сапоги...

– Де Ригаско очень влиятельны, – продолжал распинаться дурак с цепью, – очень... Нужно, чтоб они остались довольны!

– Сколько их? – перешёл к делу дядя. – Какое у них оружие, свора, на что они похожи?

– Сам герцог – знаменитый воин и родич его величества, – с видимым наслаждением объяснил Овехуна. – С ним – родственник, блестящий молодой человек, двое офицеров и пятеро слуг. Камердинер сеньора – бывалый человек. Он не ниже вас, дон Хулио, и весь в шрамах.

– И всё? – удивился отец, – Они что, кабанам свидание назначили?

– Собаки будут, – на ходу замахав руками, алькальд обрёл сходство с рехнувшейся от жары мельницей, – и загонщики, и оружие. Сеньор Лихана откроет свой арсенал.

– Уже легче, – хмыкнул дядя. – Значит, старина Луис с ними?

– Сеньор Лихана любит охоту, – с подобием достоинства изрёк Овехуна, – ради неё он готов перевернуть мир.

О пристрастии дона Луиса в Альконье знали все. Как и о том, что старик кого попало к себе не тащит. Надо полагать, этот Ригаско, хоть и королевский родич, не скотина. Леон глянул на поношенную отцовскую куртку, поднёс к глазам собственный обшлаг, тоже довольно потёртый. Конечно, не в перьях и кружевах счастье, но казаться бедней, чем ты есть, неприятно, только кто же знал, что придётся иметь дело со столичным грандом.

– Добро пожаловать! – лицо трактирщика лучилось счастьем. – Вас ждут! Вас очень ждут...

– Мой сеньор! – возгласил алькальд, пожирая взглядом кого-то сидящего за уставленным снедью столом. – Разрешите представить вам господ де Гуальдо!

– Я рад. – Высокий дворянин с рассечённой шрамом бровью вышел из-за стола, плечом отодвинув услужливого Овехуну. – Я – полковник Карлос де Ригаско. Этот паршивец – мой шурин Хайме, рядом с ним мои друзья – Мануэль Альфорка и Себастьян Доблехо. Сеньора Лихану вы, надо полагать, знаете. Надеюсь, вы не откажетесь от трапезы?

– Не откажемся, – с ходу принял решение отец. – Моё имя Хулио-Рамон. Мой брат Мартин-Орасио, мой младший сын Леон-Диего. Говорят, вы собрались на охоту?

– Да, – улыбнулся герцог, – надо же себя чем-то занять, пока супруга молится, а охота всяко достойней вина и карт.

– Кабаны и олени с этим вряд ли согласятся, – ввернул горбоносый офицер, кажется, его звали Себастьяном, – но мы спрашивать у них не станем.

– Не станем. – Дядя взялся за кружку, значит, чужаки ему понравились. Война делает людьми всех, даже королевских родичей, жаль, де Гуальдо никогда не покидают Альконью.

– Сеньор Лихана любезно обещал поделиться с нами оружием, – де Ригаско благодарно кивнул дону Луису, – не каждый может похвастаться рогатинами из Миттельрайха!

– Они к вашим услугам. – Лихана отбросил свою обычную церемонность, словно плащ. – Жаль, наши мастера предпочитают ковать клинки иного рода.

– Лично я предпочитаю кабаньи мечи, – сообщил круглолицый офицер, – или аркебузы. У вас есть аркебуза, сеньор Лихана?

– Пять. – Дон Луис был горд и счастлив, как всегда, когда говорил о своих сокровищах. – Кабаньи мечи тоже найдутся. Доньидская сталь.

– Нам повезло, что мы встретили вас, – де Ригаско приподнял кружку с вином, – и нам повезло ещё раз, что к нам присоединились господа де Гуальдо. Чужакам редко улыба-

ется удача.

– Альконья своевольна, – подтвердил дядя, от души хлебнув прошлогоднего красного. – За удачу! Лесорубы говорят, Вальпа-Сердо истоптана вдоль и поперёк. Матки и поросята... Но мы подыдем и секача.

– Жаль, – герцог ловко отхватил кусок мяса. Кинжал у него был роскошный, впору королю, – Вальпа-Сёрдо слишком близко от обители, а моей супруге знать о нашем предприятии необязательно. Рио-де-Онсас ближе.

– Нет. – Отец стукнул кружкой об стол, словно кулаком. Выплеснувшееся вино попало на кинжал. Будь оно кровью, де Ригаско следовало бы три дня не выезжать за ворота, но это не кровь.

– Рио-де-Онсас не годится для охоты, – пояснил дядя, разглядывая красную лужицу.

– Почему? – не понял родич герцога. Пока старшие говорили, он пил, и он был здесь чужаком.

– Загонщики не пойдут, – нахмурился Лихана, – сколько б вы им ни предлагали. Проливать кровь у реки могут лишь дикие твари.

– Почему? – повторил за шурином де Ригаско.

– Об этом следовало спросить наших предков. Они считали, что тревожить Альконью не к добру. Так ли это, никто не проверял, по крайней мере на моей памяти, а я здесь родился и здесь умру.

– Лет через тридцать, – ввернул дядюшка, – но на ближ-

нем берегу свет клином не сошёлся. За рекой нам не помещают ни духи, ни монахи. Правда, дичи там маловато, не разгуляешься, и повозки придётся оставить. Приличная дорога кончается сразу за ТUTORом, дальше до самой реки поросшие лесом холмы.

— За Рио-де-Онсас есть пара мест, где могут быть кабаны, — дон Луис не отказался бы от охоты даже в Судный день, — это не так уж и далеко.

## Глава 3

### 1

В тростниках орали лягушки. Разноголосый переливчатый хор не то чего-то просил, не то кого-то оплакивал, а над тёмной иззубренной грядой, за которой бурлила Рио-де-Онсас, вставала ржавая луна, огромная и тревожная. Ещё одна луна легла на озёрную гладь увядающим цветком.

— Я бы советовал вам поспать, — старший де Гуальдо вышел из-за похожих на пьющих быков скал и встал между Карлосом и озером, — не стоит смотреть на воду в полнолуние, да и вставать затемно.

— Вы боитесь луны, — сонно удивился герцог, — почему?

— Я — нет, — покачал головой горец, — но я ни о чём не сожалею.



– Я тоже. Мне не о чем сожалеть.

– В таком случае, почему вы не спите? – муэнец пожал богатырскими плечами и скрылся за палатками, а луны остались, но теперь они больше походили на костры. Лягушки стонали всё громче, прилетевший с гор ветер коснулся лица, но водное зеркало осталось спокойным. Герцог оглянувшись на затихший лагерь, после ужина де Гуальдо залили огонь и все разбрелись по палаткам, но вот уснули ли? Совет лечь был разумным, но следовать ему отчего-то не хотелось. Не хотелось оказаться беспомощным и нелепым... Перед кем? Не перед луной же?! Горцы мирно спят, лошади и собаки – тоже. Твари бессловесные чуют не только врагов и волков, значит, здесь нет никакой погани. Это озеро спокойно, совершенно спокойно, ему нет дела до ветра в вершинах деревьев, до ревущей за холмами реки, оно просто спит под лягушачью колыбельную и отражает звёзды.

– Оно не спит, мой сеньор, оно помнит и боится забыть...

Лола! Пёрышко на шее, в чёрных кудрях – цветок, на этот раз белый...

– Ты мне снишься, мучача? Или я брежу?

– Я не могу сниться, мой сеньор. Ты не бросил мой подарок, а я не брошу твой. Хочешь, я буду с тобой? Хочешь, чтобы я ушла? Хочешь сам уйти? Тогда я оседлаю коня, вороного коня с белой звездой на лбу. Он увезёт тебя к твоей сеньоре.

А ведь оседлает... К утру он будет у стен монастыря, а что

дальше? Лезть через стену к Инес, которая может, ждёт, а может, спит или молится? Зато монахини в канун праздника не спят наверняка, увидят, поднимут крик... Хорош родич его мундиалитского величества. Собрался осквернить святыню, как какой-нибудь язычник.

– Я не поеду к своей сеньоре, Лола.

– Ты всё ещё ждёшь Ампаро? Она не придёт, её нет.

– Умерла?!

– Почему умерла? Забыла. И ты забудь. Кто забывает, тот убивает. Она тебя убила, убей и ты её. Не гляди в воду в полнолуние, не оглядывайся назад. Хочешь, я тебе спою?

– Ты разбудишь моего родича, мучача. Он спрашивал о тебе.

– Зачем? – пожала плечиками хитана. – Он должен спросить о другом, и не тебя. И не сейчас. Мой сеньор хочет песню или он хочет большего?

Ампаро не спрашивала. Она просто танцевала, дразня улыбкой, а теперь забыла. Забыла ли?

– Я не верю тебе, мучача. Если помню я, помнит и Ампаро. У её сына мои глаза, она мне это обещала.

– У твоего сына будут твои глаза, – серьёзно сказала хитана, – клянусь тебе. Оседлать коня?

– Не нужно...

Вопреки благим намерениям Хайме проснулся позже всех. Даже не проснулся, а был разбужен Лопе. Гигант-ординарец растолкал молодого человека и, как всегда неторопливо, отправился к лошадям. Хайме потряс головой и выбрался из палатки. Лагерь кипел, словно луковая похлёбка, и шумел, как базар. Мёртвый, и тот бы проснулся, а Хайме был жив и голоден. Юноша провёл пальцем по верхней губе – брить было по-прежнему нечего – и сбежал к озеру. Запримеченный с вечера треугольный камень змеиной головой вдавался в прозрачную воду, на самом краю примостилась глазастая стрекоза. Ещё одна пронеслась мимо, Хайме невольно попытался её схватить. Куда там!

– Вижу, вы уже охотитесь? – волосы Маноло Альфорки слиплись от воды, рубаха была развязана.

– Пытаюсь, – отшутился молодой человек. – Хорошо, что мы нашли, где во время праздников погонять кабанов.

– Ещё бы, – подмигнул Альфорка. – Конечно, на причуды Карлоса глаза закроют, но совсем уж наглеть не приходится. Жаль, тайное рано или поздно станет явным, но эта неделя наша.

Хайме кивнул, разглядывая озеро. Утро выдалось прохладным, и купаться не то чтоб вовсе не хотелось, но хрустальные глубины немного пугали. Стрекозе надоело греть-

ся, и она отправилась по своим делам. Вернее, хотела, но оказалась в кулаке Мануэля.

– Вода тёплая, – Альфорка с интересом разглядывал добычу, – по крайней мере здесь, но слева со дна бьют ключи. Ты поосторожней, озерцо не из добрых.

Хайме пожал плечами, но купаться расхотелось окончательно. Хорошо, на береговой тропинке показались всадники на мулах. Вчерашние загонщики! Нашли добычу и вернулись, до купанья ли тут!

– Похоже, нам повезло. – Альфорка жизнерадостно подмигнул собеседнику и подбросил стрекозу вверх. – С пустыми руками они бы не вернулись.

– Ещё бы! – Хайме повернулся спиной к неприветливой воде. – А говорили, дичи мало...

– Эй! – бегущий к берегу Доблехо призывно махал обеими руками, – Живо сюда! Оба!

– Кабан или олень? – усмехнулся Альфорка. – Что скажешь?

– Кабан! – решил Хайме, полагавший клыкастую добычу более почётной.

– Тогда я за оленя! Десять реалов!

– Идёт, – поддержал пари Хайме. – Кто свидетель? Доблехо?

– Себастьян, – не стал ходить вокруг да около Альфорка, – я ставил на оленя, Хайме – на кабана. Кто выиграл?

– Никто, – буркнул офицер, – загонщики нарвались на бе-

лолобых. Сотни две, не меньше... Карлос велел идти к нему.

– Лоассцы? – не понял Маноло. – Этим-то что здесь делать?

– А ты как думаешь? – огрызнулся Доблехо.

Альфорка не ответил, Хайме тоже промолчал. Желания исполнялись стремительно, но замаячившая впереди схватка холодила не хуже подводных ключей.

– Явились? – Карлос быстро обвёл глазами офицеров и шурина. – А у нас тут радость. Негаданная. Повтори, что вы видели.

– Бесноватых. – Загонщик в жёлтой шляпе глядел сразу на Карлоса и на застёгнутого на все пуговицы Лихану. – В колпаках этих... Верхами шли. К Чёртову Зеркалу, больше некуда.

– Брод северней дороги на Сургос, – пояснил дон Луис. – Выше Рио-де-Онсас не перейти, но перед холмами она разливается и теряет норы. Правда, ниже опять скачет...

– Когда белолобые будут там и когда будем мы? – Карлос зачем-то сунул руку в карман, быстро вынул, почти выдернул, и потёр виски. На выпавшегося он походил мало.

– Хаммериане доберутся до Зеркала часа через полтора. – Лихана глянул на старшего де Гуальдо, и тот кивнул. – Нам не обогнать: река изгибается.

– Бесноватые прут напрямую, – горец досадливо поморщился, – чтоб их перехватить, нужно огибать излучину и идти в обход.

– Проклятье! – Альфорка топнул ногой, словно это могло что-то изменить. – Их точно две сотни?

– Не меньше, – Карлос ногами не топал и кулаки не сжимал, – загонщики видели только хвост, голова уже скрылась в зарослях. Их может быть и три сотни, и четыре, и пять. Куда они идут, объяснять?

– В обход гарнизона они идут, – вздохнул Лихана, – иначе не забирали бы так далеко в тылы.

– Праздник решили устроить, – выдохнул Себастьян, – сволочи! Мало им у Сан-Марио было...

– Сегодня Вознесение Пречистой, – напомнил Лихана и поправил шляпу.

– Карлос, где твой полк? – Альфорка все же решил пошутить. – Или хотя бы рота?

– Хватит и гарнизона, – медленно произнёс де Ригаско. – Сеньор де Лихана, сеньор де Гуальдо, вы мне не подчиняетесь, но я вынужден просить вашей помощи. Нужно предупредить командора, а в ваших холмах легко заплутать.

– Леон их знает, – заверил старший де Гуальдо, – и он легче нас всех. К сожалению, мы взяли с собой не самых быстрых лошадей.

– Пикаро – хороший конь, – услышал собственный голос Хайме, – только слегка тугоуздой.

– Леон отличный наездник, – живо откликнулся дон Хулио. – Сеньор де Ригаско, если вы знаете сеньора Хенилью...

– Знаю, – перебил Карлос, – ему нужен приказ, он будет.

Хенилья примет меры, кто бы ни привёз письмо.

– А чем займёмся мы? – деловито уточнил Себастьян. – Кабаны могут спать спокойно, но охота, надеюсь, продолжится?

– Выйдем к броду и пойдём по следу. Солдат на белолобых ещё навести нужно... Хайме!

– Да!

– Черт, ты же теперь на чужой лошади... Бласко, поскачешь в обитель. Предупредишь аббатису и заберёшь Инес.

– Хенилья успеет, – вмешался Мануэль, – должен успеть.

– Не сомневаюсь, но Инес отправится домой. Это война, сеньоры. Неужели непонятно?

– Белолобые ещё не Лоасс, – напомнил Себастьян. – Или... Неужели у них королевские знамёна?

– Нет, – мотнул головой Карлос. – Белолобые – факел, который летит в соломенную крышу. Если они дорвутся до монастыря, миру конец. Если не дорвутся, то же самое. Сотен убиенных единоверцев Бутор нам не простит. Не сможет простить, иначе свои же сожрут.

– Кто? – не понял Лихана.

– Те, кто втащил его на трон, превратив королевскую свадьбу в резню, – пояснил де Ригаско, – Виорнская Вдова<sup>7</sup> и маршал Танти́. Господа де Гуальдо, сеньор де Лихана, каковы ваши намерения?

– Я остаюсь, – голос муэнца прозвучал буднично и спо-

---

<sup>7</sup> Виорнская Вдова – мать Луи Бутора, «королева Вибрна» Иоанна.

койно. — Только пошлю кого-нибудь передать, что свору сюда приводить не нужно.

Дон Хулио переглянулся с братом:

— Мы заедем в замок. Нам нужно кое-что взять...

— И рассказать отцу и братьям. Мы вас найдём.

— Хайме, — Карлос неторопливо опустил на серый обломок, — познакомь Леона с Пикаро, а я напишу письмо. Дон Луис, расплатитесь с загонщиками... С теми, кто пожелает вернуться. Да, и ваша замечательная свора теперь вряд ли скоро понадобится. Пусть возвращаются... Мануэль, будь другом, проверь пистолеты...

— Проверю, — лицо Альфорки стало лукавым, — так ты собрался следить или всё-таки драться?

— Сперва первое, а затем второе. Неужели ты думаешь, что я предоставляю визитёров Хенилье? Это было бы невежливо.

### 3

Что за сила раздвинула в незапамятные времена горы, выпустив беснующуюся реку на простор, чтобы мильей ниже вновь загнать в каменистую щель? Может, и впрямь чёрт или скорее сам Сатана. Но тогда почему здесь столько света — усыпавшая берег галька, и та слепит глаза белизной... Куда там колпакам развернувшихся в боевое охранение лоассцев. Умело развернувшихся, ничего не скажешь! Лихана не ошибся, хаммериане добрались до переправы раньше и вре-



мени зря не теряли.

– Чёрт бы побрал этого черта! – прошипел Альфорка. – Нашёл, где свою образину рассматривать!

– Для своих старался, – шёпотом же откликнулся Себастьян.

Лихана промолчал – шевелил губами, считал переправлявшихся. Хаммериане бойко перебирались через сверкающий плёс, вышколенные кони дюжина за дюжиной разбивали проклятое зеркало, а оно, сверкая, срасталось за их спинами. Обещанные загонщиками две сотни уже переправились, но это было не всё, далеко не всё... У страха на сей раз глаза оказались не велики, а малы: через реку пёр полк, и, судя по тому, как мокрые всадники строились в походный порядок на выровненной все тем же чёртом площадке, полк боевой.

Знамён и кокард не наблюдалось, но сноровка и деловитость говорили сами за себя. Это были солдаты, причём многоопытные, вышколенные и готовые к любым неожиданностям. Правда, всего не предусмотрели и они. Хозяев гости опасались, но заподозрить в груди перевитых ползучими розами камней тайное убежище не сумели. Или, вернее, проводник сплоховал. Должен же у них быть проводник, так просто по здешним тропам не побегаешь. Не обошлось и без предателя в городе или в гарнизоне. Наобум лезут иначе, а этот визит готовили, и готовили тщательно...

– Карлос, – окликнул Альфорка, – видишь? На сером...

Плечистый всадник на высокой серой лошади выбрался на ближний берег и неторопливо поправил колпак. За ним, как пришитые, следовали четверо здоровяков. Плечистый развернул коня и поднёс к глазам руку, разглядывая переправу.

– Полагаю, перед нами начальник, – сообщил так и не утративший церемонности Лихана, – вы не находите?

– Нахожу, – пристрелить бы этого начальника, а ещё лучше на пару с проводником, но далеко. Разве что прорубиться, только Инес рано во вдовы, а Леон уже на полдороге к Сургосу. Коннице, если быстро поднимется, нужно часа два, а белолобые отстают от муэнца часа на четыре, не меньше.

– Хвост! – возвестил Маноло. – Давно пора, дьявол их побери!

– Четыреста восемьдесят два человека, считая начальника. – Лихана, морщась, отполз от щели между камнями, сел и снова поморщился.

– Старые раны? – посочувствовал Себастьян, не имевший обыкновения молчать. Особенно перед дракой.

– Нет, – покачал головой муэнец, – старость и позапрошлая зима... Месяц в развалинах без меховых плащей – это почти казнь.

– Так вы стояли в Сальсá? – оживился Доблехо. – А мы...

– Сейчас мы в Альконье, – напомнил Карлос, – и у нас нет времени для воспоминаний.

– Прошу прощения, господин полковник.

Надулся, нашёл время!

– Ваши слуги смогут прикрыть нам спину? – разрядил обстановку дон Луис. – Ваш ординарец производит впечатление старого солдата, но остальные четверо...

– С какой стороны за наваху хвататься, знают, – да и кто не знает, времена нынче, прямо скажем, весёлые. Адалид и тот бы взвыл. – Здесь, надеюсь, одна дорога?

– Нет. Можно идти берегом до Сургосской дороги, а можно свернуть в холмы и выскочить на тракт ниже Тудора... Если, конечно, им нужен монастырь.

– Боитесь, что они предпочтут господина Овехуну?

– Боюсь, – признался Лихана. – Что поделать, когда речь идёт о твоём гнезде, поневоле начинаешь кудахтать.

– Загонщики предупредили горожан, – не очень уверенно произнёс Альфорка, – люди успеют уйти.

– Никуда они не пойдут, – отмахнулся Себастьян, – непуганая дичь не взлетает, а войны в Муэне не видали лет двести.

– Хватит! – прикрикнул Карлос. В Тудоре у него никого не было, но Инья оказалась слишком близко от белого полка. Слишком! – Дон Луис, успокойтесь. К нам пожаловали не грабители, не насильники и не мародёры, а убийцы. Причём опытные. Им нужна обитель...

Сверху конные белоголовые фигурки выглядели мелкими, нелепыми и безобидными. Хаммериане со своими пес-

нопениями, бритыми лицами, колпаками и усами были бы смешными, не будь они страшными. Бедняга Филипп это знал, но решил покататься на драконе. Виорнцы помогли умнику не проиграть войну, а потом маршал Танти предложил скрепить союз хаммериан и мундиалитов браком. Король согласился отдать сестру сыну одержимой Иоанны, а что ему было делать? Только позвать Ротбартов... Волки Миттельрайха перервали б наследникам Хаммера глотку, но что бы осталось от Лоасса?

– Построились, – Лопе тихонько тронул господина за плечо, – сейчас двинутся.

– В холмы наладились, – на скулах Альфорки заходили желваки, – торопятся, черти белолобые! Ничего, Гонсало их приветит.

– Будем надеяться. – Белочешуйчатая змея дрогнула и неспешно поползла прочь от равнодушного Зеркала. Впереди кузнечиками прыгал дозор, вокруг трусы́ли всадники охранения. Всё верно – холмы вдоль дороги нужно прощупывать.

– До главного не добраться. – Доля наблюдателя Маноло явно тяготила. Ещё бы, меткость Альфорки давно вошла в поговорку. – Разве что обогнать и обстрелять. Лучше сверху. Дон Луис, место для засады не подскажите?

– Засады не будет. – Карлос смахнул с рукава какую-то пушинку. Интересно, почему хитаны таскают на груди пёрышки? Надо было спросить Ампаро, да в голову не пришло.

– Ты бы ещё ультиматум им предъявил, – поддразнил стрелка Себастьян, – дождёмся Хенилью, стреляй, сколько душе угодно.

– Глупо ждать, – Альфорка только что не кусался, – я среди белолобых одного в берете приглядел. Похоже, проводник. Вот его бы...

– Обойдётся, – отмахнулся де Ригаско, – незачем их раньше времени полошить.

Куда двинется Гонсало, сразу к монастырю или наперерез? Если поторопиться, гостей можно не выпустить из холмов, но Гонсало никогда не спешит и всё по десять раз проверяет. Значит, это будет монастырская дорога, и дай Боже, чтоб хаммерианам не пришло в голову по пути «проповедовать». На что похожи деревушки и городки после визита «бичей Господних», Карлос не видел, но слышал довольно, чтобы бояться за смешной Тудор, одинокие мельницы, адуар, в котором нет Ампаро и его ребёнка, но есть другие женщины и другие дети.

Лола однажды уже бежала от белолобых. «Здесь вам ничего не грозит...» И кто только за язык тянул?! Выходит, не ждать? Броситься на дракона с вилкой? Четверо вояк, Лихана с больной спиной, дуралей Хайме и слуги с увязавшимися загонщиками... Это даже не смешно, хотя прикончить главаря с проводником можно. Если повезёт. Только потом не будет ничего – ни Инес, ни войны, ни ночного озера с его снами...

– Спокойно, – медленно произнёс де Ригаско, – пока от нас мало что зависит, но господ хаммериан мы проводим. Хенилья должен знать о них всё.

## Глава 4

### 1

Сеньор Хенилья и в обычный-то день казался застывшим, а узнав про белолобых, и вовсе закаменел. Леон командора не торопил – слишком устал. Хорошо, конь герцогского родича и впрямь оказался отменным: другой бы уже десять раз упал, а Пикаро бежал. Конюх обещал поводить беднягу, но вот поводит ли?

– Пить хотите? – Хенилья кончил буравить взглядом увешанную оружием стену и уставился на дурного вестника. – Садитесь.

– Спасибо, – Леон рухнул в кресло прежде, чем сообразил, что отдаст за кружку воды половину оставшейся жизни, – пить я хочу.

– Так пейте! – Хенилья сам плеснул в высокий кубок чего-то красного. Вина, но сейчас уже можно. – И расскажите все подробно. Полковник де Ригаско слишком краток, что, учитывая случившееся, объяснимо. Не бойтесь, не опозда-  
ем.

– Я не боюсь, господин командор. – Как трудно оторваться от вина, но от воды было бы труднее. – Хаммериане сейчас или уже переправились через Рио-де-Онсас, или вот-вот переправятся. Если выступить немедленно...

– Мы выступим, как только капитанов вытащат из таверны и оседлают коней. Вы лично видели хаммериан?

– Их видели загонщики. Ошибиться они не могли.

– А солгать? – подался вперёд Хенилья. – Будь это люди полковника де Ригаско или хотя бы ваши доверенные слуги, я бы не сомневался, но весть принесли горожане. Вы их раньше видели?

– Нет, но сеньор Лихана их, кажется, знает...

– Лихана – странный человек. – Командор задумчиво пожевал губами. Точно так же он жевал прошлым летом, когда привёзший письмо деда Леон в первый и последний раз был в этом кабинете. – Лично я не знаю, почему дон Луис осел в Тудоре, если он может жить в более приятном и приличествующем его положению и здоровью месте. Скажу больше. Появление этого человека рядом с герцогом де Ригаско вызывает у меня определённые сомнения.

– Мой отец и мой дядя там тоже появились. – Пустой кубок мешал, и Леон, поколебавшись, поставил его на стол. – Сюда идут хаммериане, сеньор Хенилья. Идут убивать.

– Или не идут, – уточнил командор, – впрочем, значения это не имеет. Нужно ехать. Если никаких хаммериан нет, придётся заняться загонщиками и сеньором Лиханой. Если

есть, отправить еретиков к Дьяволу, который их и породил.

– Они есть. – Выдержать чужой пристальный взгляд было непросто, но скачка через раскалённую Муэну прикончила все страхи, кроме одного – опоздать.

– Возможно, – на этот раз Гонсало Хенилья наполнил два кубка, – и всё же я предпочёл бы говорить с непосредственным свидетелем вторжения.

– Свидетели ездят на мулах, а хаммериане на лошадях. Их не менее двух сотен.

– Если они вообще есть, их будет не меньше полка, – буркнул командор, разворачивая свиток, оказавшийся картой. – Какой дорогой вы ехали? Через Титор?

– Нет, через холмы. Так быстрее.

– Кого-нибудь встретили?

– Нет.

– Ваше счастье. Лоассцы, не оглядевшись, голову в петлю не сунут, особенно эти... Кто-то должен был проследить за гарнизоном и дать знать, что путь свободен. И этот кто-то, надо полагать, воспользовался короткой дорогой. Вашей дорогой. Мы пойдём ей же.

– В холмах коротких дорог много. – Какое мягкое кресло, но придётся вставать и идти. Хуже, чем идти, – лезть в седло. Всё начнётся сначала – стук копыт, жара, разноцветные круги перед глазами, жёсткая от высыхающего прямо на тебе пота рубаха...

– Я готов, – выдавил из себя Леон, – но мне нужна свежая



лошадь.

— Она у вас будет. — Командор усмехнулся впервые за время разговора. — Даю вам час, молодой человек. Отдыхайте и наслаждайтесь жизнью, пока можете. За вами придут.

— Благодарю вас, дон Гонсало.

— Благодарить надо вас. Никогда не думали вступить в армию? Я бы вас взял.

— Де Гуальдо не покидают Альконью. — Но как же хочется покинуть и стать капитаном, командором, маршалом, наконец! Родственник де Ригаско наверняка станет, а ты сиди в своих предгорьях, куда после сегодняшнего никто не сунется ещё лет сто!

— Я слышал о вашем семействе и не смею настаивать. Жаль, из вас бы получился хороший офицер. Я редко кому это говорю.

## 2

Если в здешних предгорьях что и было хорошего, то это тень и несколько попавшихся на глаза родников. Альконья защищала от солнца всех своих гостей, с чем бы те ни явились, и ещё вопрос, кто был ей приятней — замахнувшиеся на местных тварей охотники или чужаки. Хаммериане не собирались проливать кровь на заповедном берегу, они вознамерились пролить её дальше. Альконья могла спать под горячим предосенним солнцем, что она и делала. Не шумела

тёмная жёсткая листва, молчали отпевшие и оторавшие по весне птицы, попряталось по своим убежищам зверьё. Послеобеденная одурь обошла лишь ящериц да мелькавших сквозь разрывы в пропылённой усталой зелени коршунов. И ещё она не тронула людей в колпаках, грязно-белым потоком струившихся каменистой дорогой. Это над ними скользили падальщики, дожидаясь поживы. И как только догадались?

Пильо испуганно фыркнул и попятился. С причудливо изогнувшейся коряги стекла внушительная желтоголовица, тускло сверкнула возле обмотанных обрывками плаща копыт и юркнула под камень. И вновь ничего и никого. Лишь отдалённый цокот чужих подков да назойливое гудение и стрекот всякой летучей мелочи. Два отряда, большой и крохотный, тонули в часах и минутах, как в сонной озёрной воде. Где-то за очерченными коршунами кругом просили Пречистую о ребёнке сотни женщин, садились на коней солдаты Хенильи, прятали нехитрый скарб обитатели Тудора. Они были, и их не было...

– Сеньор, впереди прогалина. Этих... видно, как на ладони. Глянете?

– Гляну! – Карлос, словно очнувшись, уставился на хмурого Лопе. Великан был таким, как всегда. – Ну и духота... Не поймёшь, то ли лоассцы и впрямь здесь, то ли снятся.

– Тут они, уроды белолобые, – заверил ординарец, – а вы б лучше шляпу надели. Лес лесом, а голову печёт.

– Нет у меня шляпы, – признался де Ригаско, – потеря-

лась.

Такое с ним бывало, особенно перед боем. Судьба требовала дани и получала её позабытым плащом, пустым желудком, лопнувшим не ко времени ремнём. Карлос де Ригаско был суеверен, как любой солдат, и знал, что пакость свою возьмёт. И лучше ерундой, чем кровью.

– Потерять шляпу – к удаче! – с готовностью объявил Лопе. Ординарец знал своего господина, как облупленно-го. Ещё б не знать вздорного мальчишку, в один прекрасный день влезшего на самого строгого жеребца в конюшне... Шрам остался до сих пор памятью о наглости и удаче. И о том, как отец велел стереть кровь и идти на барьер. На своей лошадке. До строптивного жеребца дело дошло через два года...

– Дьявол и все его мухи! – подъехавший Альфорка от злости разве что искры не пускал. – Ну почему эти твари так далеко?

– Объяснить? – предложил не отстававший от приятеля Доблехо. – Или сам догадаешься?

– Не догадаешься, Хайме спроси, – посоветовал Карлос, – или Хенилью, когда явится. Он тебе объяснит. В подробностях.

– Спасибо, не надо, – поблагодарил Маноло и погладил пистолет, – у него курок чешется.

– Так почеши! – не выдержал де Ригаско, притворяясь, что считает давно пересчитанных хаммериан. Белолобые шли

уверенно и деловито. Проводник проводником, но без глаз в Сургосе не обошлось. Кто-то заверил гостей, что их не ждут, и этот кто-то вряд ли был чуяком.

– Карлос, – раздалось под ухом, – Карлос!

Герцог рывком обернулся, но это был всего лишь Хайме.

– А ты что тут делаешь? Твоё место с Лиханой и загонщиками.

– Господин полковник! – отчеканил обиженный родственничек. – Сеньор Лихана велел доложить, что к нам присоединились господа де Гуальдо во главе с бароном. Числом семеро. С ними отряд из числа слуг, числом шестнадцать, и выючные лошади, числом семь.

– Числом, говоришь? – усмехнулся Карлос. – Очень мило с их стороны. Что-нибудь ещё?

– Нет, господин полковник, – начав дуться, Хайме становился краток и деловит. Вот и славно.

– Передайте господам де Гуальдо мою благодарность, но они зря беспокоились. Хенилья подойдёт через два или три часа. Впрочем, при желании они могут принять участие в охоте. В какой-нибудь из охот...

### 3

*Ветер дул с гор, дул неистово, будто задавишись целью отбросить от усталой крепости вонь чуждого лагеря. И так же неистово билось в звёздном небе ставшее чёрным зна-*

мя, словно хотело что-то сказать, объяснить, предупредить... Утро вернёт миру краски, и с лазоревого полотнища вновь глянет золотая яростная птица. Что она увидит? Доживёт ли до нового вечера или захлебнётся кровью вместе с безумцами, сказавшими «нет» тем, кто не знает такого слова...

– Мой сеньор, что с вами?

Звёзды заволакивает дымом, губы солонны от крови, но ветер всё ещё рвёт тёмное полотнище. Его не спустят, пока жив хоть один...

– Мой сеньор!

Что-то кисловатое и холодное смывает соль с губ, мгла рассеивается. Ночь давно прошла, над головой белёсое, обжигающее небо, но кровью и пылью пахнет всё равно. А знамя?! Где знамя и почему он лежит?

– Я ранен? Был штурм?

– Вы упали, мой сеньор. Ваш конь оступился и сломал ногу.

Он куда-то ехал? Невозможно! Крепость обложена так, что ласке не выскочить, но если он всё же выбрался, почему за ним не гнались и где письмо?! Он вёз письмо...

– Где письмо?

– Не знаю, мой сеньор. Я помогу вам сесть. Я смотрела, кости целы. У вас, не у коня.

– Но я должен ехать! Мне надо... – А куда он едет и почему так жарко? И так светло? – Где мы?!

– Возле Сургоса, мой сеньор. Вы ехали на праздник?

Сургос? Он слышал это слово или оно ему снилось? Конь покалечился, придётся идти пешком хотя бы до Сургоса. Он не может здесь валяться, нужно идти... Нужно доставить письмо!

– Помоги мне!

– Сейчас, мой сеньор.

Девушка. Из простых... Босая... Проклятые круги перед глазами, никак не разглядеть лица. Все кружится...

– Они ушли? Где они?

– Кто? – Овальное пятно цвета слоновой кости обрамлено дымом, в дыму что-то краснеет. Кровь? Нет, это цветок в волосах, в чёрных волосах, но это неправильно... Неправильно всё!

– Выпейте, вам будет легче!

Снова дешёвое кислое вино пополам с водой. Бледное пятно превращается в лицо – юное и встревоженное. Дешёвые серьги, спутанные кудри, пёрышко на шее.

– Ты хитана?

– Да, мой сеньор. Я шла на праздник, сегодня большой праздник... Сеньор искал письмо? Вот оно... Оно помялось!

Грязный надорванный лист, смазанная печать... Половина леопарда с крестом и надпись «...гаско». Что она значит? Что-то заливает глаза, но он не ранен, иначе б хитана измазалась в крови. К горлу подступает комок, звон в ушах становится нестерпимым.

– Ты умеешь читать?

– Нет, мой сеньор.

– Ты видишь, я открываю это письмо. Я прочту его вслух.

Ты запомнишь?

– Я запомню.

## Глава 5

### 1

Высоченный лохматый хитано протянул руки ладонями вперёд, а потом неторопливо скрестил их на груди. Непонятный гость был выше и Лопе, и старших де Гуальдо, не говоря о самом Карлосе, смотревшем на появившегося из зарослей бородача снизу вверх.

– Мы пришли к вам, – спокойно сказал хитано.

– Вы? – не понял де Ригаско, – Зачем?

– Праздник, – холодно произнёс гость, – слишком много женщин. Бесноватые хотят крови. Мы – мужчины, у нас есть навахи.

– Постойте! – Сеньор Лихана отстранил потащившего из ножен шпагу Себастьяна. – Это Мигелито, вожак здешнего адуара. Хитано пришли ещё при моем отце и остались... Мигелито, как ты узнал? Где Хенилья и его солдаты? Ты их видел?

– Солдаты в казармах, – Мигелито был немногословен, – офицеры в таверне, за ними пошли. Антоньито пошёл, а Хенильи в городе нет.

– Дьявольщина! – Себастьян топнул ногой, словно желая пробить покрытый трещинами камень. – И куда этого ящера унесло?!

– Командор уехал, – повторил хитано, – он и десять солдат. Их видели, а ваш человек разбился. Лошадь упала, её не поднять. Выбоина и неудачный день. Не нужно садиться в седло, не нужно брать нож...

– Он жив хотя бы? – Карлос с тревогой оглянулся на старшего из де Гуальдо.

– Конь упал по вине моего внука? – соизволил изречь патриарх. – Если это так, его стоимость будет возмещена.

Карлос провёл рукой по лбу, переводя взгляд с лица на лицо. Маноло с Себастьяном, старик в допотопных одеждах, его до одури похожие сыновья и внуки, лохматый хитано, растерянный Хайме... Люди замерли среди рыжих, пронизанных солнцем стволов, словно сами стали деревьями.

– Леон де Гуальдо жив? – Время потеряно безвозвратно и глупо, а как просто было отправить двоих. Того же Хайме на Пильо, да что теперь за ветер хвататься, тем паче ветра-то как раз и нет.

– Гонец жив, – разжал губы хитано, – я оставил его с женщинами. Письмо повезли в город, но мы не стали ждать. Гонец сказал, вы идёте от брода вдоль дороги. Нас три десятка.



Все, кто шёл в Сургос. Мы вели коней и шли танцевать, мы повернули.

– Спасибо, Мигелито. – Три десятка хитано с навахами и кнутами, дюжины полторы горцев, столько же загонщиков со своими мулами... Вот тебе и полк, счастливчик де Ригаско, а крепости или хотя бы бастиона тебе не построили. Ты сам теперь крепость. Ты и эти люди, большинство которых видишь первый и, очень может быть, последний раз. По крайней мере на этом свете.

– Сеньор Лихана, – уточнил де Ригаско, – я правильно понимаю, что хаммериане будут у монастыря раньше солдат, даже если офицеры гарнизона рискнут выступить, не дожидаясь командора?

– Капитан Бертильо рискнёт, – голос муэнца был не менее ровен, чем голос герцога, – я его хорошо знаю. Бертильо ранили под Сан-Марио на моих глазах. После выздоровления его перевели в Сургос. Он не станет мешкать и пойдёт галопом... Солдаты могут успеть, особенно если хаммериане... отвлекутся.

– То есть? – Себастьян опять теребит перчатки, дурацкая привычка. – По дороге же ничего нет, ТUTOR ведь не тронут? Уже не тронули.

– Дальше – адуар, сеньор Доблехо, – объяснил Лихана, – а ещё гостиницы для паломников и лагерь тех, кому гостиницы не по карману. Грабить нечего, но хаммериане не грабят. Они, как бы это сказать... ересь искореняют.

– Мы знаем, – прорычал Альфорка, – видели!

– Прошу прощения.

Муэнец замолчал, и разговор оборвался. Вот так и бывает – трещина в камне, немного глупости, и всё летит в тартары. Гонец валялся без памяти, а хаммериане шли вперёд, минуя место за местом, где можно было их придержать, отступив затем к следующей узости. Четыре задержки, и Хенилья бы успел. То есть не Хенилья, а какой-то капитан, воевавший вместе с Лиханой и получивший на старости лет тёплое местечко. Только тёплое вдруг стало горячим! Муэну защищает Пречистая Дева... В Муэне нечего бояться ни паломникам, ни хитано...

– «В Виорне больше не пляшут, а поёт лишь та, что вечно косит...»

– Ты о чём? – Маноло не понял, а ты сам понимаешь?

– Ни о чём! – Лола избежала хаммерианских лап в Виорне, повезёт ли девочке снова? Хитана сказала, что идёт в город, её не будет в адуаре. В праздник палатки стерегут старики да детишки... Ампаро там тоже нет, нет и твоей дочери или сына, а Иньиту Бласко давно увёз. Два коня в один день ноги не ломают...

– Сеньоры, прошу подойти ближе. Нам следует обсудить наши действия.

Подошли. Встали. Дон Луис держится за эфес, Себастьян зачем-то задрал голову и сразу же опустил, Маноло морщит нос, сейчас чихнёт, у Хайме горят глаза, хитано наклонил

голову, старик де Гуальдо смотрит на детей и внуков, словно пересчитывает. Он привёл всех или кто-то остался в замке? В странном замке, как сказал Лихана.

– У нас есть выбор, – на самом деле его нет, по крайней мере нет у тебя и Мигелито, – мы можем уйти, а можем задержать хаммериан своими силами. Сколько сможем, столько и задержим, а дальше... Господу виднее.

## 2

Проводника звали Хиронимо, но Матье Лабри звал его Жеромом. Онсиец терпел – пять сотен золотых: две у перевала, три у монастыря – своё дело сделали. Жером казался надёжным, и все же Лабри предпочёл бы подкупленному еретику собрата по вере. Увы, к югу от Сьерра-де-Онсас все тонуло в папистском мраке<sup>8</sup>, что не мешало пособникам дьявола воевать, и воевать неплохо. Лабри досадливо дёрнул головой, та не замедлила откликнуться тупой болью, напоминая о старой ране и о том, что самая спокойная дорога может вести в ловушку. Если они до сих пор не встретили солдат, это не значит, что встречи не случится вообще, а проводник и его пока неведомый свояк не окажутся предателями.

– Жером, когда мы выберемся из этой ловушки?

Проводник оглядел похожие друг на друга и на столпив-

---

<sup>8</sup> Паписты – презрительное именование мундиалитов сторонниками реформаторских церквей.

шихся серо-зелёных ежей горы и неторопливо объявил:

– Через час, сеньор. Да вы сами увидите. Холмы на север сдадут, а нам – на восток.

– Ты уверен в своём родственнике?

– А куда он денется? – удивился онсиец и замолчал. Болтуном он не был, что не могло не радовать. Простучали копыта – подъехал граф Крапу́ и сообщил, что петляние по запутанным тропам ему порядком надоело.

– А вы, я вижу, рассчитывали на парад? – поморщился Лабри, глядя на украшенные тонкой вышивкой графские перчатки. Хорошо, не золото, но дойдёт и до этого. Роскошь и похоть – оружие дьявольское, а девка Дорифо́ не просто хороша, как десяток суккубов. Шлюха умна, недаром она дочь проклятой ромульянки!<sup>9</sup> Королева надела белый чепец, но рубашки у неё шёлковые, а Луи падок на женщин. Слишком падок для достойного государя...

– Я рассчитывал и рассчитываю на успех, полковник, – Крапу и не подумал отвести взгляд. Любимчик короля слишком быстро позабыл, кто превратил молодого Бутора из жениха Дианы Дорифо в повелителя Лоасса. Хочется верить, у самого Луи память длиннее.

– Господь нас не оставит, – желание отхлестать наглеца по щекам было острым до мучительности, но Лабри в очеред-

---

<sup>9</sup> Ромульянка – Анунциата Рисанато́ри, мать последнего короля из династии Дорифо и фактическая правительница Лоасса. Происходила из богатой и знатной ромульянской семьи. Была особо ненавистна хаммерианам.

ной раз сдержался. – Но раз вы проявили беспокойство, ведите колонну. Дорогу покажет Жером.

– Слушаюсь, полковник! – почтительные слова и насмешка в глазах. Луи такой же. Маршал считает, это пройдёт. Во время войны. Значит – да здравствует война, и смерть папистам!

Лабри придержал жеребца, пропуская колонну мимо себя. Солдаты шли рысью, в хорошем порядке, никто не отставал, ни у кого не захромала лошадь, все были должным образом вооружены и одеты. Братья по вере, не раз проливавшие за Господа свою и чужую кровь, они были готовы к тому, что предстояло. Ветеран пяти войн, воин до мозга костей, Лабри мог по праву гордиться своим отрядом, и он им гордился. Собой полковник тоже был доволен – подобрать людей для столь важного дела непросто, но он не ошибся ни в ком. Недельный марш через горы это подтвердил.

Нахлынувшее раздражение понемногу стихало, уступая место уверенности, что приказ маршала Танти будет выполнен с блеском. Нельзя позволять королю заключать мир с еретиками, нельзя оставлять молодёжь без дела. Праздность для души человеческой страшнее вражеских армий и злее чумы. Не зря Господень Молот<sup>10</sup> называл безделье ржавчиной, разъедающей железо, и гнилью, подтачивающей стропила...

---

<sup>10</sup> Господень Молот – одно из именований Томаса Хаммера, употребляемое его последователями

Сухие знакомые хлопки донеслись из-за очередного холма, за которым скрылся авангард. Привычные ко всему ветераны не попёрли вперёд и не заметались, как бараны, а замерли, ожидая приказа. Солдаты своё дело знали, как и офицеры. Капитан Пивонé обернулся и поднял руку, Лабри кивнул. Вооружённые лучшими виттскими аркебузами стрелки стремительно спешили и рассыпались по сторонам, беря на прицел ближайшие склоны. Остальные ждали, стискивая рукояти шпаг и беспокойно оглядываясь.

Новый залп не заставил себя ждать, его слитность и мощь подсказывали – бьют свои, авангард. В ответ раздалось несколько разрозненных выстрелов. Лабри неторопливо поправил пороховницу, погладил коня и шагом направился в голову колонны. Пусть видят, что ничего особенного не произошло. Полдюжины стрелков в холмах – не повод махать руками и скакать галопом, но кто же всё-таки стрелял? Гарнизонный дозор, кознями дьявола оказавшийся на дороге? Или, того хуже, засада? Задержали в этой узости и сейчас окружают колонну, чтобы обрушиться сверху? Если Крапу с его перчатками не озаботился проверить, ему будет очень невесело. Очень.

Крапу озаботился. Не успел полковник обогнуть предательский холм, как прискакал молодой Шетэ и доложил о том, что авангард обстрелян.

– Сколько их, Роже? – для порядка уточнил Лабри, не столько желая знать, сколько проверяя графа.

– Пять или шесть аркебуз и несколько арбалетов. Солдаты стали стрелять в ответ, а два десятка сейчас обходят засаду.

– Потери есть?

Сын покойного друга нахмурился:

– Убит один, и ранено двое. Господин полковник, мне очень жаль, но ранен проводник.

– Тяжело?

– Боюсь, да.

То, что вырвалось из уст полковника, вряд ли бы понравилось пастору, но тот отвечал всего лишь перед Господом, а Матье Лабри ещё и перед маршалом. Малыш Шетэ потупился, словно был виноват. Матье потрепал его по плечу и, плюнув на осторожность, поскакал к авангарду.

Жером лежал на земле, рядом скрючился солдат, над которым хлопотал Дени-мясник, лет десять подменявший убитых или сбежавших лекарей. Крапу и двое офицеров замерли возле мёртвой лошади, вглядываясь в молчащие заросли. Громко, словно перед грозой, трещали цикады.

– Откуда стреляли? – осведомился Лабри. Крапу носил поганные перчатки, лез не в своё дело и слушал не маршала и мадам Иоанну, а Луи, но в том, что случилось, был неповинен.

– Оттуда. – Граф махнул рукой и поморщился, на колете расплылось тёмное пятно, которое могло означать лишь одно.

– Вы ранены?

– Царапина... Стрелки удрали, не дожидаясь, пока их окружают. С другой стороны холма их ждали лошади. Сержант Клеро нашёл следы.

– Куда смотрел боковой дозор? Они вообще живы или нет?

– Неизвестно. Донесений от них не поступало. Я отправил на поиски Мату́. Дал ему два десятка солдат и отправил...

Всё верно и держится молодцом, но от царапины таких пятен не бывает.

– Покажите рану!

– Она перевязана, – запротестовал Крапу, – мне бы не хотелось вновь снимать и надевать колет. Клянусь честью, ничего страшного! Бок задело.

– Вам виднее, – напросившийся в поход граф не так плох, как казалось, а от вышивок и оборок война отучит. – Что с проводником?

– Две пули. В плечо и в грудь. На ладонь ниже сердца... Я мало в этом разбираюсь, но...

Лабри разбирался лучше, но толку от этого было немного. Опыт подсказывал, что больше Жерому никого через горы водить не придётся. Вздых Мясника лишь подтвердил неутешительный вывод.

– Час протянет, – объявил самозванный лекарь, бросая на-земь что-то измазанное в крови и вырывая у стоящего рядом солдата кусок полотна, – ну да все там будем, а этому ещё повезло! За святое дело прибили, так что спасётся... Да



не дёргайся ты! Будешь подыхать, скажу...

Мясник колдовал над солдатским предплечьем, а проводник глядел вверх, на зависших над отрядом коршунов, и было их до странности много. Ничего, лошади да пары двуногих для начала хватит, а потом могут лететь к монастырю. Лабри перешагнул через ещё живого Жерома и нагнулся над лежавшим чуть дальше мертвецом. Ему не почудилось – в шее покойника торчал арбалетный болт. Такой же швырнул в пыль Мясник.

– И здесь тоже. – Догадливый Роже тронул сапогом труп лошади. Бедная животина получила две пули и болт. – По проводнику били.

Нужно было надеть на онсийца плащ и колпак, ну да все мы задним умом крепки. Уповайте на Господа и готовьтесь к худшему, но болты... Два из трёх – грубая деревенская работа. Ополченцы?

Вверху зашумело, раздались голоса и шаги, шорох осыпающихся камешков.

– Господин полковник, вернулся Мату. Они встретили дозор, все целы.

– Вижу.

Ни убитых, ни раненых, но морды кислые. Боятся если не Господа, то полковника. И правильно боятся.

– Говорите. Быстро и самое главное.

– Парням не повезло, – закрыл грудью провинившихся Мату, – пришлось обходить склон... Я там был, по откосу

в самом деле не пройти. Выстрелы раздались, когда дозор был по ту сторону гряды. Пока повернули, пока карабкались вверх, еретики успели уйти, но их удалось разглядеть. Это не военные.

– Там были местные, – вмешался командир разъезда, – и ещё двое, в колетах и шляпах...

– А кони?

– Кони тоже разные. Спасением клянусь, не солдаты это.

Если не солдаты, то кто? Проводник говорил, в Альконье не охотятся. Контрабандисты? Но зачем им стрелять?

– Дени, проводник может говорить?

– А что ему сделается... Хуже не будет.

– Жером, кто в тебя стрелял?

– Коршуны. – Глаза раненого, не моргая, шарили по небу. – Сеньор... не бросайте меня здесь... За холмами бросьте! Где хотите... Только не здесь...

– Тобой займётся твой свояк, – пообещал Лабри, – где его искать?

– Недалеко... Прямо... Этой тропой прямо до мелового холма. Начнётся сухое русло... Сейчас сухое... Густаво там... Он выйдет сам... Деньги в поясе... Заберите, пока кровь течёт! Отдайте...

– Лежи! – велел Лабри. – И молись, как можешь! Тебе повезло умереть за правое дело. Открой душу Господу и будешь спасён. Мату, ты всё понял?

– Да.

– Бери два десятка и за проводником. Блуждать нам некогда.

– Пояс, – руки раненого шарили по окровавленной рубашке, – коршуны...

– Дени, возьми деньги, раз уж ему приспичило. Отдашь этому... Густаво. Крапу, до возвращения разъезда занимайте оборону на холмах по обе стороны от тропы. Не нравятся мне эти колеты.

### 3

Если б не многочисленные промоины, раздавшаяся вширь тропа могла бы претендовать на гордое звание дороги. Когда в горах шли дожди или таяли снега, здесь бесновался похожий на реку поток, но сейчас было сухо. К несчастью...

– Это самое узкое место, – в голосе дона Луиса послышались виноватые нотки, – хотя оно всё равно слишком широко.

– Искать другое некогда, – утешил муэнца Карлос, из-под руки разглядывая испятнанный валунами левый склон. Тот был крутым, верхом не подняться, и совершенно голым, если не считать вцепившегося в трещины плюща. Правый, более пологий, зарос кустарником, ближе к плоской вершине переходящим в жиденький лес. Камни были и здесь, на одном свивала кольца желтоголовица, в другой вцепился корнями доцветающий шиповник.

– Неплохие обломки, – вполголоса одобрил герцог, – если успеем скинуть, выйдет заграждение, хоть идохлое.

– Лошади не пройдут, – согласился старик де Гуальдо, его потомки привычно промолчали, а хитано ограничился кивком. Хайме тоже промолчал, ему с лихвой хватило обещания Карлоса отправить великого стратега и ещё более великого стрелка в Титор с нарочным. Молодой человек не обиделся, было не до того, да и стрелял он хуже родича, а тот остался, поручив дело Маноло. Альфорка с Доблехо и пятью загонщиками ускакали, Хайме проводил их взглядом и замолчал до лучших времён. Война начиналась не так весело, как хотелось. От неожиданности и несопоставимости сил было зябко, да и Пикаро было жаль до слёз. Конечно, в трещину может угодить любой, но на чужой лошади это проще. Не забыть бы сказать де Гуальдо, что он конями не торгует и денег за Пикаро не возьмёт.

– Хайме, проснись, – теперь Карлос разглядывал кусты, – кого-нибудь видишь?

– Нет, – молодой человек честно уставился на пыльную зелень, – а что там?

– Люди, – разжал губы хитано, – у шиповника и выше, но бесноватые не заметят.

– Я тоже так думаю, – Лихана неспешно ослабил шейный платок, – жаль, мы не встретили лесорубов, но раз так, займёмся камнями. Катить их по такому крутому склону не так уж и сложно.

– Я приказал нарубить кольев, – сообщил Карлос, расстёгивая камзол, – не думал, что стану каменщиком... Хайме, а ты?

– Я тоже, – с готовностью откликнулся юноша, избавляясь от куртки и, по примеру родича, закатывая рукава. Камни не дадут белолобым с ходу проскочить засаду. Им придётся или обходить заграждение по лесистому склону, или вести коней в поводу, или разгребать завал. В любом случае аркебузы и арбалеты скажут своё слово, ну а лоассцы? Вряд ли их испугает дюжина стрелков, они спешатся, атакуют засаду, и тогда дело найдётся всем, кто может держать оружие. Конечно, врагов больше, но какое-то время продержаться можно. Карлос оставил лошадей в лесу, в крайнем случае они отойдут по склону и поскачут навстречу Бертильо.

– Хайме, не вздумай снимать перчатки, без рук останешься. – Де Ригаско уверенно, словно только этим и занимался, всадил то, что недавно было молоденьким деревцем, под шершавую глыбу. – Сеньор Лихана, с дороги! Эта радость не для вашей спины!

Муэнец кивнул, лицо его стало грустным. Карлос навалился на рычаг, Хайме последовал его примеру. Камень закачался, сперва неохотно, потом всё сильнее и, наконец, вывалился из гнезда и покатился по склону, подняв пыльное облако. Загрохотало, герцог по-крестьянски утёр лоб, из-под ног шарахнулась лишившаяся крова ящерица. Сбоку друг за дружкой пронеслись четыре здоровенные глыбы – там орудо-

вали де Гуальдо, словно родившиеся землекопами. Не отста-  
вали и хитано с загонщиками. Валуны один за другим поки-  
дали насиженные места, рвались плети плюща, скрипела на  
зубах пыль, вспухали на тропе серо-бурые волдыри, но Хай-  
ме было не до них. Юноша орудовал колом, изредка встря-  
хивая головой, чтобы отбросить лезшие на глаза волосы. Во-  
круг и внизу скрежетало, хрустел и осыпался щебень, а солн-  
це превратило голый склон в адскую печь.

– Какой обвал мы бы устроили в приличных горах! – Кар-  
лос вогнал кол в щель между двух похожих, как близнецы,  
камней, но расшатывать их не стал. – Ты жив?

– Жив, – поспешно подтвердил Хайме, с удивлением раз-  
глядывая дыру на перчатке, сквозь которую виднелся пу-  
зырь. Пришлось сунуть руку за спину, но родич смотрел  
вниз.

– Мало мы платим каменотёсам, – заметил он, – надо  
больше... Мигелито, что такое?

– Кони, – поворочав камни, хитано стал ещё всклокочен-  
ней, чем был, – уже близко. Немного.

– Альфорка... По крайней мере, хотелось бы верить. –  
Карлос с сомнением глянул на загромождённую тропу. – Нам  
бы ещё час, ну да сколько будет. На ту сторону, живо!

Свист дозорного застал их на дороге среди обрушенных  
валунов, и Хайме сам не понял, как уселся на ближайший ка-  
мень... Волдырь, о котором он забыл, заявил о себе в полный  
голос, к которому немедленно присоединилась спина. Пить

хотелось зверски. Вот бы забиться в тень или, того лучше, прыгнуть в ледяную воду, опуститься на дно и там лежать, раскинув руки. Сейчас Хайме не испугали бы никакие ому-ты, но зелёное озеро было далеко, дальше Реваля, Доньído, Вйтте...

– Воды! – хрипло потребовал знакомый голос. – Сейчас сдохну, но проводника у белолобых больше нет!

– Ты, – живо откликнулся Карлос, – или Себастьян?

– Похоже, мы оба... Дьявол и все его мухи, дайте флягу!

– Это вино, сеньор. Вино с водой...

– Лишь бы мокрое!

Хайме усилием воли разлепил глаза и увидел Альфорку, льющего в рот что-то красное. Рядом утирал лицо Доблехо и тяжело поводили боками кони.

– Белолобые не ждали, – Маноло передал флягу другу, – вот и сплоховали. Остановились, кинулись палить по кустам. Можно было ещё дюжину прикончить, а не троих, но ты велел...

– Погоня есть? – Карлос, оказывается, тоже сел, а вот де Гуальдо стоят. Прямо дубы какие-то, а не люди!

– Нет. Кажется...

– Они же не знают, кто мы, – вступился за хаммериан Себастьян, – нас могло быть и много.

– Если их начальник осторожный человек, он может отказать от своей затеи, – встрял сеньор Лихана, – тайный рейд, перестав быть тайным, становится очень опасным.

– Осторожный хаммерианин, – хмыкнул Доблехо, – скорей отважную лягушку найдёшь, но без проводника они пойдут медленней.

– Ты уверен, что снял, кого надо? – Карлос попытался стереть с лица пыль, но лишь размазал, превратившись в бритого хитано.

– Один он там был, бесколпачный. – Альфорка все же гордился успехом. – В голове колонны шёл, сволочь! Если это не проводник, я – Томас Хаммер собственной персоной!

– Если Хаммер болтал столько, сколько ты, я его пастве не завидую. – Де Ригаско тяжело поднялся на ноги. – С проводником ли, без ли, они пойдут дальше. И пока они идут, нужно свалить все подходящие камни... Маноло, к тебе это не относится, твоё дело стрелять.

– Не только, – замотал головой Альфорка, – а по бесноватым я, подыхать буду, не промажу.

## 4

Отряд вернулся быстрее, чем можно было надеяться, и привёз проводника, невысокого живчика, в отличие от испустившего дух родича болтливого, как маркитантка. Мату, презрительно поджимая губы, доложил, что этот Густаво пришёл на место давно, но, услышав выстрелы, затаился. Вылез онсиец лишь на условный свист, после чего принялся причитать, ахать и шмыгать носом, чем и занимался всю



дорогу.

– Не следовало мне слушать Хиронимо, добрые сеньоры, – ныл Густаво, – ох, не следовало. Недаром мне коза в болиголове снилась... Не к добру это, а уж в праздник грешить хуже некуда! А покойника я не повезу, что хотите делайте, не повезу! И пальцем его не трону, где убили, пусть там и лежит... Нет у него никого, зачем везти?

– Замолчи, болван! – Крапу заткнул болтуна мгновением раньше, чем это сделал бы сам Лабри. – Иначе сам здесь останешься. С падальщиками.

– Нет, сеньоры! – Глаза Густаво стали круглыми, как у рыбы, – Я вас доведу, куда скажете доведу, но Хиронимо пусть здесь лежит... Хозяева взяли, так тому и быть! И день нынче худой, вернуться бы вам, пока солнце не зашло.

– Глупости. – Некоторые двуногие и впрямь сквернее скотов! – Жером оставил тебе свою долю. Хочешь её получить – повезёшь свояка до конца гряды. Не хочешь – твоё дело.

Объяснять, что будет с Густаво, если он захочет сбежать, Лабри не счёл нужным. Полковник вообще не имел обыкновения угрожать, обычно его понимали и так, особенно трусы. Онсиец понял.

– Я отведу, – закивал он, – до самой до обители... И Хиронимо возьму. Только потом на меня не пеняйте, я всё как есть сказал... Плохой день, сеньоры, очень плохой!

– Для еретиков, – уточнил Крапу, деловито проверяя пистолеты, – не для святого дела.

– Хватит болтовни, – велел Лабри не столько онсийцу, сколько разговорившемуся графу, – что в гарнизоне?

– Ничего не знают, – Густаво для вящей убедительности замотал головой, – ну совсем ничего! Я как уезжал, старших офицеров заприметил. Всех. Как раз к Толстому Пепе заходили. И хитаны туда же шли. Раньше ночи не закончат, святой Густаво свидетель... А как выйдут, так до казарм едва доберутся. Праздник же!

Праздник, в который напиваются и пляшут с грязными тварями, лишь оскорбляет Его Пречистую Матерь! В праздник следует блюсти чистоту или творить благое дело, но не метать же бисер перед папистской свиньёй, к тому же продажной.

– Начальник гарнизона тоже в таверне?

– Долговязый Гонсало? Этот у себя сидит, прости Господи, как сыч какой... Куда ему в таверну, он, говорят, только воду лакает и ещё молоко. Правду женщины говорят, не мужчина, а уж какой-то, только уши не жёлтые!

– Тогда кто в нас стрелял?

– Охотники, больше некому, – Густаво задрал голову и тут же опустил, отчего-то вздрогнув, – только не наши, не муэнские. Здешные в Альконью не полезут, а вот чужаки... Видать, гранды. Из тех, чьи жены к Пречистой на праздник напросились. Известно, жена к Господу, муж – к нечистому... Заскучали, видать, вот и решили ноги лошадям побить. Сейчас, небось, к Сургосу несутся. Говорю же, день поганый!

– Тебя не спрашивают. – Лабри внимательно посмотрел на Крапу. Граф помахивал своими перчатками, и полковник готов был поклясться, что это нарочно. Дескать, мне всё ясно, оттого и скучно, но я потерплю.

– Господин Крапу! – Лабри смотрел не на руки, а в глаза, но щёголь прекратил свою игру. – Сколько времени нужно, чтобы охотники предупредили власти? Дозорные уверены, что раньше никто к колонне не подбирался.

Крапу наклонил голову и свёл брови. Он не тянул с ответом, не пытался догадаться, а в самом деле подсчитывал. В столице граф погубит и душу, и тело, но на войне из него ещё будет толк.

– До Сургоса часа полтора, а то и два, – медленно произнёс королевский любимчик, не предполагая, что его положение в отряде стремительно меняется, – пока паписты разберутся, что к чему, пока поднимут кавалерию... Допустим, этот уж молочный и догадается, куда мы идём, ну и что? Нас ему не опередить!

– Вы правы, – Лабри впился в глаза собеседника, и тот опять не отвёл взгляд, – соберите офицеров. Всех и побыстрее.

– Да, полковник! – Пожалуй, не так уж и плохо, что на свадьбе Луи не отпустил графа от себя и к де Кьюмону пошли другие. Всевышний мудр, всё, что ни делается, делается к лучшему. Де Кьюмон, как бы он ни владел шпагой, рано или поздно отправится в ад, зато Крапу ещё послужит Гос-

поду в этом мире, а онсийцы, собравшиеся на свой шабаш, не убегут. Просто не успеют. За стенами ли монастыря, вне ли их, кара еретиков настигнет, и смерть их послужит благому делу. Луи оторвётся от своей девки, а маршал Танти... Маршал займётся тайными врагами и шпионами. К концу войны в Лоассе папистов не останется, а значит, будет мир – долгий, надёжный, достойный.

Да, все должно получиться. Гарнизонная пехота до ночи не подойдёт, а конница, если и появится, не страшна. Паписты строят не монастыри, а целые крепости. Отряд укроется за стенами, дождётся темноты, а ночью вырвется и уйдёт в горы, но проводника нужно переодеть и держать в глубине колонны, особенно когда дойдёт до главного. Папист может не выдержать, работка-то предстоит не из весёлых. На войне проще и честнее, но благое дело, не замарав рук, не сделать. Нельзя поднять из грязи сокровище и остаться чистым, но вина лежит на папистах. Это они осквернили веру, они лгали, блудили, извращали слово Божие, торговали во храме, возносили грешных и преследовали праведных.

Если Господь попустит, Матье Лабри ещё увидит жизнь без роскоши, прелюбодеяний, бесовских игрищ. Без лживых монахов, тонущих в золоте щёголей, блудниц с голыми плечами. Король станет слугой Господа и братом подданных, а не сосудом дьявольским, как последний из Дорифо, вздумавший стрелять из аркебузы в добрых хаммериан... Гордыня не дала Филиппу и его подлой матери бежать, хотя

их и предупредили. Старуха встретила маршала Танти и его людей на пороге своей часовни в королевском облачении... Жаль, герцог де Мэр оказался не столь нагл и предпочёл бегство, а де Кьюмон умудрился вырваться, прикончив семейных. Одержимый, прежде чем выпрыгнуть из окна, написал на стене «Бутор, я вернусь!». Кровью старшего Шетэ.

– Господин Лабри, – чётко доложил Крапу, – офицеры здесь!

– Спасибо.

Пять человек, которым веришь как себе и больше, связанных с тобой в единое целое чужой и своей кровью, памятью, совестью, верой... С Мату и Шетэ ты отбивался и отбил от дюжины онсийцев, а вернувшись домой, вытащил из петли трясущуюся от ужаса девчонку, будущую мать Роже. Малыш сейчас здесь. Вместо отца! Гийом Пивоне, товарищ по полку, бывший папист... Брат воевал, а сестра попалась на глаза принцу Авайскому и исчезла. Осенью Анну выловили из реки. Кюре отказался отпевать самоубийцу, Гийом отправил святошу к дьяволу и ушёл в Виорн к другу. На королевской свадьбе Пивоне отдал все долги.

«Малыш» Люсьен, гнувший подковы и рвущий колодезные цепи... У Сан-Марио они со стариной Бустоном волокли «Малыша» по кровавому песку, а он ругался и требовал, чтоб его бросили... Пятеро своих до мозга костей и Крапу, напросившийся с ними непонятно зачем, или всё-таки понятно? Можно носить шёлк и заглядываться на девок, но

оставаться человеком и воином.

– Господа офицеры, – голос Лабри был ещё суше, чем всегда, – мы знаем, на что и зачем идём. К сожалению, возникли определённые трудности. Нас заметили охотники, остановить их не удалось. Это значит одно – мы должны очистить монастырь и укрыться за стенами до того, как подойдут паписты. В сравнении с Сан-Марио – игрушки!

## Глава 6

### 1

Все подходящие камни громоздились на тропе, но бастиона не вышло, да и не могло выйти. Полсотни человек с наскоро вырубленными кольями за пару часов, может, и перегородили бы горную расселину, но не эту ложбину. Одна радость, что растаскивать вручную валуны трудней, чем спихивать их вниз... Быстрее чем за полчаса прохода не проделать, даже самого узкого, но полчаса это мало. Мало, чёрт побери! Нужны ещё полтора, а лучше – два...

– Всё-таки идут, одержимые. Не могут без крови!

Это заговорил загонщик. Костлявый, хмурый, с разными глазами. Кажется, Иньиго.

– Был сигнал? – Альфорка щурится, словно целясь. – Почему я не слышал?

– Я тоже не слышал, – высунулся из тени Доблехо, – показалось кому-то!

– Хозяева, – загонщик поднял глаза к выгоревшему небу, – много.

– Хозяева? – не понял Карлос. Небеса были пустыми – только слепящее белое солнце и дальние птицы.

– Коршуны, – пояснил дон Луис, – их так зовут в Альконье. Тех, у кого на крыльях багряные отметины.

– Тут и коршунов-то не разглядишь, – удивился Себастьян, – а уж крылья...

– Хозяева это, – отрезал загонщик, – провожают.

– Это так, сеньор, – Мигелито выхватил и подбросил нож, поймал, сунул за голенище, – простые коршуны одиноки. Мы идём вниз.

– Хорошо, – не важно, откуда у птиц кровавые пятна, лучше занять позиции раньше, чем опоздать, – только не выдайте себя раньше времени.

– Да, сеньор, – пообещал хитано. Солнечный луч скользнул по серебрёному пёрышку на бронзовой шее. Станный знак, многим он стоил жизни...

– Мигелито...

– Сеньор?

– В твоём адуаре есть девушка, её зовут Лола. Сейчас она в Сургосе?

– Лола? – Чёрные глаза удивлённо раскрылись. – Сеньор не ошибается?

– Ей лет шестнадцать. Невысокая, тоненькая, чёрные волосы... Для хитаны слишком короткие... Она бежала из Лоасса.

– Моя дочь, – один из людей Мигелито, седой и сильный, шагнул вперёд, – сеньор знал мою дочь?

– Видел вчера... нет, уже позавчера, на дороге в обитель. Я купил у неё цветок. – И ещё она приходила во сне, обещала оседлать коня, но он отказался, а утром пришли хаммериа-не. – Я сказал ей, что в Онсии нечего бояться. Вышло, что я солгал. Она в Сургосе или в адуре?

– Лола мертва, – голос седого тоже был мёртвым, – уже год... Бесноватые забили её камнями, а потом остригли. На её косах повесили её мать и лоассца... Он был папистом, как сеньор. Я ковал коней в городе, вернулся и нашёл всех. Я развёл огонь... Большой огонь.

– Хайме!

– Да? – Мальчишка заболтался с Себастьяном, он не слышал разговора.

– Хайме, помнишь хитану на дороге?

– Ещё бы! Ты променял цветок на кольцо.

Красный цветок... Инес просила его бросить, а он сунул в карман. Что от него осталось? Не важно что, если это не бред, цветок найдётся.

– Эта девушка была хитаной и назвалась Лолой. Что ж, не всякий назовёт имя первому встречному.

– Хитана не возьмёт имя мёртвой. Имя это тень жизни. –



Отец Лолы покачал головой и лёгким шагом танцора пошёл вниз, по склону. Стало тихо, в который раз за этот безумный день. Была Лола сном или нет, но полтысячи хаммериан существуют и с каждой минутой приближаются. Тут не ошибёшься – солдат чувствует схватку, как жаба дождь.

Дальний птичий крик, блеск ударившегося о пряжку Маноло солнца, и следом сдвоенный клёкот... Сигнал!

– Вот теперь пришли. – Альфорка кривовато улыбнулся. – Постараюсь добыть тебе офицера. Того, на сером...

– Постарайся не лезть на рожон! – прикрикнул Карлос. – Белолобых, убив вожака, не уймёшь, да и вряд ли при них один офицер. Что ж, сеньоры, расходимся по местам и действуем сперва, как решили, а потом по обстоятельствам. Хайме!

– Да, господин полковник!

– Пойдёшь с сеньором Лиханой.

– Карлос, но...

– Ты пока ещё не рубака, – герцог взял родича за локоть и понизил голос, – сеньор Лихана немолод и нездоров, я за него беспокоюсь. Мне бы хотелось, чтоб ты приглядел за стариком.

– Хорошо, Карлос. – Лицо Хайме прояснилось. – Я все сделаю.

– Я на тебя рассчитываю. – С Лиханой у тебя будет больше шансов уцелеть, но такое перед боем мальчишкам не говорят. – Удачи!

– Не забудьте про «Повелителя обжор», молодой человек. – Альфорка с хохотком ударил Хайме по плечу. – Карлос, мы тоже пошли. Открывающий бал не может опоздать.

– Удачи, черти б вас побрали! – Они ведь первый раз расстаются перед боем, но так надо. Маноло и Себастьяну место среди стрелков, а он после раны может бить только в упор.

– Я счастлив нашим знакомством, – Лихана старомодно поклонился, – судьбе было угодно свести нас ради боя. Поверьте, драться рядом с де Ригаско для меня огромная честь.

– Я предпочёл бы кабанью охоту, ну да какая есть. Хайме! – Горящие глаза, на щеке пятно, волосы дыбом... Пусть твой первый бой не станет последним! – Не забудь – с тебя ужин на нас всех!

– Не забуду!

Шаги, шорох веток, скрип гравия под ногами. Ушли... А шиповник цветёт и пчёлы гудят, им всё равно, и правильно. Жизнь не только грызня двуногих, но и бегущие облака, плющ, оплетающий камни, цветы, пчёлы, птицы... Жизнь – это чудо, которое нужно защищать. Жаль, в Туторе он сменил дорожную одежду на охотничью, а как хочется сунуть руку в карман и убедиться, что цветок, а значит, и странная девушка не были сном. И ещё жаль, что он не догадался написать Инес, но кто же знал, что все обернётся боем. Таким боем...

По щеке рябого загонщика скользнула тень – хозяин Альконьи проплыл над самой головой и скрылся за пронизанной

светом кроной, а из-за поворота показались всадники. Человек восемь. Бодрая рысь, знаменитые колпаки, беспокойно вертящиеся головы, а позади – искрящаяся лента дороги. Пока пустая. На сколько корпусов отстаёт голова колонны? Десять, двадцать, сорок, полсотни? Сейчас передовые увидят баррикаду, поймут, что камни свалились не сами по себе. Заметили! Крайний слева в первом ряду вскинул руку, предупреждая своих, разъезд начал заворачивать коней. Не успели – залп из нижних кустов грянул раньше. Вскинулась раненая лошадь, шарахнулась вбок другая, повалились под копыта люди. Пять всадников, две лошади... Неплохое начало!

## 2

Лабри видел, как смешался и повернул назад, выходя из-под обстрела, передовой дозор, вернее то, что от него осталось. Паписты били наверняка, как у Сальса, но, слава Господу, засада невелика, иначе б разъезд полёг полностью, и не только разъезд.

Полковник в сердцах дал шпоры коню, оставив позади что-то кричащего графа, и понёсся вперёд. Хорошо, что колонну вёл Мату. Старина никогда не подводил, не подвёл и на этот раз – аркебузиры первого эскадрона уже спешили, чтобы развернуться в шеренгу... Лабри поравнялся с другом в тот миг, когда по предательским зарослям ударил

мощный залп. Белое пороховое облако заволокло стрелков, посыпались ссеченные пулями ветки. Рывкнул ещё с десятков аркебуз, эхо откликнулось низким ворчанием и нехотя стихло, но пропылённые кусты молчали – ни крика, ни ругани, ни ответных выстрелов. Онсийцы либо отошли вверх по склону, либо затаились, благо было где. Переpletённый отцветшим выюном и конским плющом торчевник мог укрыть хоть роту, счастье ещё, что противоположный склон был крутым и голым. Камни, разумеется, сбросили оттуда и совсем недавно, только кто? Давешние охотники или все же солдаты?

– Неприятная неожиданность, – догнавший Крапу вежливо улыбнулся. Он ещё никогда не был столь близок к пощечине.

– Неожиданность?! – оскалился Мату. Старик был готов разорвать королевского любимчика раньше папистов, – в таких местах неожиданностей не бывает. Нас ждали, гори они синим пламенем!

– Проводник? – оживился Крапу. – Что ж, я вижу на склоне премилое дерево, оно ему пойдёт!

– А я вижу дерево здесь, – рывкнул Мату, – говорящее! Мы не можем торчать у этой кучи, гори она...

Но куча гореть не собиралась, и обойти её не представлялось возможным. Будь в запасе хотя бы полдня, следовало поискать другой путь, но удравшие охотники лишили Лабри свободы манёвра. Выбор был предельно прост – отступить,

сорвав планы маршала, или исполнить свой долг. Любой ценой. Густаво клялся, что эта гряда последняя. На равнине лошади пойдут кентером, на равнине не будет ни булыжников под ногами, ни засад...

– Господин полковник, – малыш Роже держал под уздцы гнедого, на шее которого повис мёртвый сержант. В боку бедняги торчал знакомый болт, – посмотрите. Это охотники!

– Спасибо, Роже!

Итак, в торчевнике все те же посланные Сатаной еретики, то ли одержимые ненавистью к святому делу, то ли обуянные гордыней и излишней храбростью. В любом случае их не больше полутора дюжин. Даже меньше, ведь кто-то наверняка поскакал за подмогой.

– Дорога перекрыта баррикадой из камней. – Роже не уймётся, пока не доложит до конца, даже если все ясно без доклада. Его отец был таким же. – Не слишком высокой, но перескочить не получится. Лошади ноги переломают, надо разбирать. Камни крупные, но растащить можно. За самой баррикадой никого не видно. Господин полковник, если охотники отступили к лесу, они работам не помешают, слишком далеко.

– А если они в кустах? – одёрнул юнца Лабри, но Крапу решил, что вопрос обращён к нему.

– Что ж, – изрёк он, – значит, мы с ними покончим и двинемся дальше. Десяток папистов нас не остановит.

– Пока нас остановили камни, – уточнил Лабри, разгля-

дывая графа в упор. – Возьмите полсотни человек и уберите их. Если вам станут мешать, отойдите на безопасное расстояние и предоставьте действовать Мату. Конечно, если вы опасаетесь за свои перчатки...

– Вижу, эта часть моего гардероба поразила вас в самое сердце, – Крапу со смешком сорвал злополучные перчатки и швырнул под ноги лошадям, – во имя Господа и короля, я готов.

– Петух! – пробурчал Мату вслед удаляющемуся всаднику. – Навязался на нашу голову.

– Не суди собрата своего! – одёрнул друга Лабри. – Крапу не так плох, как мог бы быть. Зло не в нём, а в папистской девке.

– Не будь Бутор и его друзья одержимы бесом похоти, Диана бы ими не вертела, – Мату зло дёрнул повод, и серый Гру наступил на брошенные перчатки, – им всем надлежит очиститься... Будь оно все проклято! Они тут!

Сумасшедшие охотники все ещё были здесь. Они не собирались подпускать солдат к завалу ближе, чем на выстрел. Упал, взмахнув руками, старина Бубу, схватился за живот Рыжий Пьер... Кому ещё не повезло, было не разобрать. Что-то прокричал, размахивая руками Крапу, его люди шархнулись назад. Аркебузиры прикрытия и бесноватые паписты ударили почти одновременно, взмыл к небу и оборвался чей-то крик. Больше Лабри на дорогу не смотрел, вперив нехороший взгляд в предательский склон.

Рано или поздно еретиков ждёт негасимый огонь, но сейчас не до них. Ловить в зарослях сумасшедших можно до ночи, а время не терпит. Остаётся загнать папистов наверх, откуда они не помешают разобрать баррикаду. Главное время, время, а не месть!

– Мату! Твоё дело – засада. Не ловить! Отбросить к лесу и не выпускать, пока Крапу возится с камнями. Скажи Бустону, чтоб прикрыл... Роже, Пивоне ко мне!

– Да, полковник!

– Господин полковник, господин Крапу снова ранен!

– Куда на этот раз?

– В плечо!..

– К Дени болвана! Клеро, заменишь, и чтоб проезд был чист!

### 3

Спешиваются. Идут по склону вверх. Полсотни, не больше! Для дюжины охотников хватит с избытком, но кто вам сказал, что нас дюжина? А впереди тот, с переправы, хозяин серой лошади... Не потерять бы его в дыму. Ничего, Маноло не потеряет и не промахнётся! Погодите, «бичи Господни», дойдёт до драки, и станет вам весело. Ещё веселей, чем сейчас. Полчаса мы уже отбили и пока целы, а вот вы – нет! Десяток покойников, раненые, подбитые лошади и околевавшая тайна... Но главное – время! Время, которое нужно Хенилье.

Поднимаются, размазываются по склону... Ещё бы, не переть же колонной по четыре в ряд. Подставили фланг? Молодцы! Вы подставили, те, кто пойдёт по вашим следам, тем паче подставят, и как же они удивятся. Одно плохо, когда завяжется рукопашная, на баррикаду бросится целая орава. Таскать валуны нужно втроём – вчетвером...

Хватит ли Хенилье часа? То есть не Хенилье, а как же его... Он ещё был под Сан-Марио... Те, кто видел белолобых убийц в деле, мешкать не станут, но мы предполагаем, а черти располагают. Можно спутать дорогу, нарваться на забившую мост отару или на праздничную толпу, а по дорогам ходят люди. Люди, которые попадутся бесноватым. Тот же адуар или запоздавшие паломники. Всех не предупредишь и не остановишь. Нет, час – это мало! Нужно добыть ещё час, а белолобые бьют и бьют... Бедный торчевник, так ему ещё не доставалось. Хаммериане стреляют, Альфорка молчит, он и не такое видел! Ну свистят над головой пули, не в первый раз... Когда налётчики подойдут вплотную, аркебузы заткнутся, чтобы не попасть в своих. Вот тогда стрелки и встанут. Последний выстрел придётся в упор.

Крылатая тень на миг заслонила свет, неспешно поплыла дальше. Сколько же здесь коршунов! Неужели у них крылья и впрямь в крови? В небе птицы и солнце, внизу – солдаты и смерть, а здесь – ожидание. Последние его минуты... Пляшут по напряжённым лицам прорвавшиеся сквозь листья лучи, алеет доцветающий шиповник, пахнет пылью и порохом.



Знакомый запах, привычное дело, а хаммерианам остаётся тридцать шагов... двадцать... десять... Альфорка ждёт, по своему обыкновению закусив губу, а рядом – Доблехо и горцы.

Карлос не видел друзей, он просто знал, что с ними. Он тоже ждал, вглядываясь в приближающийся строй, высчитывал расстояние, готовился к тому, без чего не обойтись, не загадывая о завтрашнем и не жалея о вчерашнем.

Солдат в нелепом колпаке заступил за невидимую черту, и заросли плюнули огнём. Пыльные ветки расцвели дымами, шедшие впереди белоколпачники налетели на невидимую стену, замахали руками и сбитыми кеглями повалились в разные стороны. Уцелевшие рванулись вперёд, словно поднятые с лёжки кабаны.

Треск, топот, рвутся плети плюща, распрямившиеся ветки хлещут чужаков, сапоги мнут срезанные листья, спотыкаются о камни, наступают на мертвецов. Просвистела стрела... Горцы с арбалетами умудряются стрелять и на бегу. Падает один бесноватый, хватается за плечо второй! Ну и отлично, чужие потери лишними не бывают, а вот и Маноло! Цел... Бежит последним! Ему всегда везло... Ни единой раны за семь лет. На ходу взмахнул рукой, – дескать, приступай, – и исчез в кустах. Закачались колючие ветви, заплясала у самого лица живая малиновая искра. Жаль, если её погасит пуля!

Ждать дальше не было сил. Карлос поднялся, и вместе с

ним поднялись слуги и шестеро загонщиков. А вот и цель! Широкоплечий малый ломится сквозь колючки. Вроде бы молодой. Кирасы нет, грубая куртка с распахнутым воротом, белый колпак, под колпаком – лицо... Маска мрачного азарта и уверенности. Маска смерти. Нужно было написать Инес, но кто же знал... Ещё миг, и пуля бьёт налётчика в грудь.

## 4

Первый ряд выбит залпом в упор, но тут уж ничего не поделаешь. Те, кто шёл впереди, могли надеяться разве что на чудо, но Мату поклялся идти в середине... Только б старина сдержал слово, остаться без Мату – остаться без шпаги. Хуже, без руки!

Матье Лабри поймал взгляд Роже и неторопливо вытер платком трубу.

– Ты вернёшься в Виорн настоящим солдатом.

– Да, господин полковник... Господин полковник, им нужна помощь?

– Не думаю.

Выстрелов больше не слышно. Дым медленно затягивает небо, пыль оседает ещё медленней, тёмными тенями встают кусты, зло трясут ветками. Заросли скрыли живых, только мёртвые остались лежать на иссохшем склоне... Четырнадцать солдат строем вошли в Господний рай, тридцать шесть продолжают бой. Хватит, чтоб загнать папистов в лес, будь

они прокляты! Вывести из строя две дюжины человек, спутать все карты и безнаказанно уйти! Воистину, дьявол заботится о своих подручных!

Ветки больше не колыхались, и Лабри опустил трубу. Рядом шумно дышал Роже и переминался с ноги на ногу Бустон. Как просто драться, как трудно ждать. Матье положил руку на плечо старого товарища.

– Мату в порядке. Не в первый раз...

– Не в первый, – повторил Бустон. – Ты их отпускаешь? Этих...

– Господь их накажет! – Лабри вновь был полковником. – Рано или поздно, а мы должны сделать, что поручено! Роже, глянь, что у Клерб. Как только разгребут, двинемся. И двинемся очень быстро.

Роже умчался к завалу, Бустон уставился в кусты. Исполнять приказы и злиться проще, чем командовать боем, но замысел Танти дороже их отряда. Да что там, он дороже и армии, и короля! Поддаться гневу и покарать дюжину еретиков и при этом загубить великое дело, что может быть хуже? Есть вещи, которыми не поделишься даже с лучшими из друзей. Для них рейд на гнездо папистов – всего лишь ответ на вызов Рэмы.

...Из кустов вывалился одинокий солдат, спотыкаясь побежал вниз. Упал, поднялся, шатаясь, сделал пару шагов, остановился.

– Смотри, – выдохнул Бустон, сжимая кулаки, – Да-

ви-Окорок!

Навстречу раненому побежали два аркебузира охранения, подхватили, поволокли вниз. В том, что солдат вышел из боя, нет ничего странного. Каждый бы так поступил. Каждый, но сегодняшним днём распоряжается Нечистый.

– Господин полковник, – прохрипел Дави, – их больше... Столько, сколько нас... Драка по всему склону... Местные и другие... Не солдаты, но дерутся, как дьяволы!

Ещё одна промашка, не смертельная, но досадная. У стрелков оказалось прикрытие. Чего удивляться? Знатные еретики штаны без дюжины слуг не снимут! Конечно, солдат им не одолеть, но зачем сражаться на равных, если можно задавить числом?

– Бустон, бери ещё полсотни и помоги Мату. Только не зарывайся! Мы выполняем приказ!!!

Промолчал, и на том спасибо. Когда-нибудь за бутылкой вина Мату с Бустоном узнают всё, и пусть ворчат, сколько душе угодно, старики всегда ворчат, но сейчас не до споров. Сейчас он, Матье Лабри, – руки маршала, и в них будущее Лоасса и будущее святого дела. Вот так, на пыльной дороге, и понимаешь, что ты избран и призван. Ты, а не твои друзья и не граф с его перчатками, будь он хоть сто раз приятелем Луи Бутора. Его величества Луи, который будет делать, что ему сказано!

Лабри поднял трубу. Вторая полусотня быстро взбиралась на холм. Люди заранее разбились на мелкие группы и растя-

нулись, сейчас они навалятся на оставшихся противников, и всё будет кончено. Двое-трое умелых бойцов на гуляку или слугу – это даже боем не назвать.

## 5

Белолобый выскочил вслепую из-за кустов. Один. Осталось чуть вытянуть левую руку и виорнец сам насадил себя левым боком на кинжал. Повезло, но раз на раз не приходится... Получив по лапам, лоассцы старались атаковать вдвоём, а то и втроём, но минуты уходили кровью в песок... Их не вернуть, сколько б вас ни лезло вверх! Слышите, твари! Не вернуть!

Под ногами треснула сухая ветка, попятился, уклоняясь от шпаги, ещё один бесноватый, заорал и исчез за спиной хромого горца. Карлос прыгнул в сторону, изогнулся, чужой клинок, не встретив отпора, беспомощно свистнул, понёсся вниз, увлекая хозяйскую руку. Дальше Карлос не смотрел. Он крутился, отбивал и наносил удары, иногда попадал, но считать чужие раны было некогда. Сколько идёт бой? Кто рядом? Что внизу? Что наверху? Лица, спины, листья, клинки, ветки мелькают, словно холм стал очумевшей каруселью. Крутится небо, бьёт по глазам солнце, хлещут колючие плети... Одна оказалась стальной, но порез на рёбрах ещё не беда!

Навстречу летит кто-то огромный, разогнался, занёс ру-

ку... Шагнуть навстречу, выставив шпагу, в последний момент вскинуть руки, словно в танце. Здоровяк рубит воздух, открывается... Удар, брызги крови на лице... Хорошо, что не в глаза! Просвет в бою, просвет в кустах, низкое гудение – Лопе взялся за свой посох... Белолобый пробует подбаться со спины. Внезапный тычок назад как раз под горло, виорнец корчится на траве, двое его товарищей растерянно пятятся, уши режет пронзительный свист. Седой хитано... Отец Лолы! Хаммерианин разворачивается к новому врагу, его приятель остаётся один на один с Лопе. Делать здесь больше нечего.

Выстрел из пистолета. Кто-то сберёг заряд или это хаммериане? Точно! Прут сквозь кусты. Подкрепление! Они послали подкрепление, значит, дорога ещё не очищена.

Три лица сливаются в одно, пляска продолжается, кажется, опять задели, или это ветка? Вновь отец Лолы... Отвлекает одного из троих. Ложный выпад, прыжок, а ты не промах!.. Был! Звон клинков, белые от злости глаза, боль в бедре, открывшаяся грудь. Отправляйся в пекло!

– Сюда! Братья!.. Главный! Здесь главный!

Невысокий и юркий орёт во всю мочь, не забывая защищаться. Заросли трещат – белолобые ломаются со всех сторон. Седой хитано с окровавленной навахой снова рядом. Судьба, или он так решил? Пятеро, шестеро, семеро... С шипением вспарывает воздух дубина Лопе, течёт по ноге кровь, сколько это длится? Двое шагают навстречу одновременно, из ку-

стов вылетает Маноло. Выстрел... Белое полотно становится красным. Альфорка не промахнётся!

– Кто тебя звал?! – спина к спине, такое уже бывало...  
Четырежды.

– Белолобые... Я им за это... искренне... благодарен...  
Особенно этому...

Выпад, вопящий хаммерианин заваливается на спину, так и не закрыв рот. Рядом с отцом Лолы ещё двое хитано, и откуда взялись? Четверо лоассцев, ошетинаясь шпагами, отходят в заросли. Можно утереть пот со лба, глубоко вздохнуть, оглядеться. И увидеть, как снизу лезут свежие солдаты. А камни на дороге все ещё лежат, много камней...

– Иди, куда шёл! Слышишь? Убирайся!

– Слышу, – Маноло торопливо заряжает пистолет, – ты ранен...

– Без тебя знаю! Завал, Маноло... Твоё дело – завал!

## Глава 7

### 1

Первый удар пришёлся мимо. С десяти шагов грохнул залп; белолобые, преследуя стрелков, проскочили засаду, едва не отдавив ноги Хайме, и встретили Карлоса и хитано. Друзья сражались, а они всё ждали в кустах на краю прога-

лины – пожилой муэнский сеньор, оставшиеся загонщики и четвёрка людей де Гуальдо, вооружённых охотничьими рогатинами и похожими на короткие древние мечи кинжалами.

Схватка разгоралась, но Лихана с места не двигался. Только поглубже нахлобучил охотничью шляпу, беззвучно пошевелил тонкими губами и застыл, словно старая цапля на болоте. Вытащивший было клинок Хайме вздохнул и тихонько вложил его в ножны. Их время ещё не пришло, это юноша понимал. Он стоял и смотрел сквозь резные ветки, как дерутся другие, а бой то катался по прогалине очумелым дикобразом, то втягивался в дальние заросли. И тогда оставались лишь хруст и вскрики, затем кто-то врывается на поляну и следом за ним вываливались противники.

Хайме по-совиному вертел головой, пытаясь отыскать Карлоса. Солдаты орудовали шпагами и тесаками, между ними метались хитано со своими навахами, не уступавшими длиной иным шпагам. Мелькнул Лопе, сбил посохом двоих и исчез. Родича не было. Ну и что?! Всех не разглядеть, а Карлос жив! Конечно, жив, просто его закрывают кусты, а издали все так похожи... Хорошо, хаммериане носят колпаки, иначе не разберёшь, кого бить.

– Фарабундо! – окликнул Лихана старшего из людей де Гуальдо, светловолосого и светлоглазого, словно житель Миттельрайха. Местного наречия Хайме не понимал, но Фарабундо быстро глянул на юношу и кивнул. О чем это они? О нём?! Горец что-то буркнул своим, те задрали головы, Хай-



ме последовал их примеру, но увидел лишь коршунов.

– Вы что-то хотели спросить? – Муэнец был спокоен, словно собирался к поздней обедне.

– Я... Я хотел бы пригласить вас на обед... В честь моего вступления в полк. Будут все...

– Почту за честь, сеньор де Реваль.

Из кустов со свистом выскочила чёрная змея, полоснула по белым головам. Пара наседавших на раненого налётчиков мигом позабыла обо всем на свете. Раненый, лишившись противников, повалился в траву. Вожак хитано перескочил через упавшего и обрушился на белолобого. Удар! Клинок вываливается из рассечённой руки! Удар! Окровавленные ладони пытаются прикрыть глаза. И последний удар – уже навахой.

Бесноватый, корчась, оседает у ног хитано. Мигелито на мгновенье замирает и вдруг, не выпуская ни кнута, ни навахи, кидается на землю. Перекатывается, вскакивает и пропадает из виду.

Тяжело топая, на прогалину врываются трое запоздавших лоассцев. Не запоздавших! Это подкрепление! То самое подкрепление, которое они ждут – Карлос рассчитал верно! Хаммериане заполняют пространство – суконные спины, грязно-белые головы...

– Любуетесь? – Альфорка. В одной рубахе, лицо в пятнах копоти, но вроде цел.

– Карлос жив?

– А что ему сделается? Сеньор Лихана, мы на вас надемся!

– Маноло!..

Но Альфорка уже исчез. Затопившие прогалину хаммериане штурмуют дальние заросли. Кусты за спиной их не волнуют, Карлос на это и рассчитывал!

– Спустимся немного, – велит Лихана, и они бегут вниз. Заросли становятся ниже, приходится пригибаться, перебегая от куста к кусту. Бой скользит навстречу, вверх и вбок, сквозь отдаляющиеся треск и звон проступают отрывистые команды и какое-то уханье – хаммериане расчищают дорогу. Белоголовые фигурки в клубах пыли суеются среди валунов, по сторонам они не смотрят, зачем?

## 2

Клеро расчистил тропу больше чем наполовину, правда, не без потерь. Неподвижное тело темнело на освобождённом участке, а двое раненых ожидали Дени-Мясника. Какой-то арбалетчик сторожил баррикаду до последнего. Аркебузиры несколько раз выстрелили по зарослям, и папист замолчал. То ли поднялся к своим, то ли поймал, наконец, пулю.

Матье Лабри отвернулся от суесящихся носильщиков и попытался рассмотреть, что творится на склоне. Увы, для этого холм был слишком заросшим, к тому же папистов оттеснили к вершине. Ясно было одно: бой и не думал кончатся.

ся. Мату с Бустоном будут разочарованы, они не привыкли выпускать добычу, но охотников придётся оставить. Ничего, мельницы Господа рано или поздно размелют и это. Еретиков, пусть они трижды сдохнут в собственной постели, ждёт ад!

– Странные здесь охотники, господин полковник, – Крапу неумело прижимал к груди перевязанную руку, – и птицы странные. Вы не находите?

– Птицы? – переспросил Лабри. – Не нахожу. Как ваши раны?

– Они унизительны. Мне придётся вернуться и отдать долги. Самым трудным будет отыскать наших «друзей».

– Арбалетчика, всадившего в вас болт, вы вряд ли найдёте, – заметил Лабри, прикидывая, не пора ли отзывать хотя бы Бустона. – Но хозяина вы отыщете без труда. Судя по всему, нас преследует вельможа из Доньидо. Он вряд ли станет молчать.

– Вы меня утешили. – Щёголь вновь потеснил солдата, но злиться на графа, как прежде, Лабри уже не мог. Он просто пожал плечами и повернулся к завалу. Словно для того, чтоб увидеть валящихся на землю людей и поднявшиеся над кустами дымки.

– Воскресенье Господне! – Крапу, позабыв о ране, погнал лошадь вперёд. – Не может быть!

– Стоять! – рявкнул Лабри, посылая гнедого наперерез лезущему под пули болвану. – Жить надоело?!

– Господин Лабри!

– Вы не при дворе! – рявкнул полковник. Он отдал бы полжизни за право первым броситься на проклятых стрелков, но у него был отряд. И у него был приказ.

– Отозвать Клеро! – голос Лабри был холоден и бесцветен. – Аркебузирова на дорогу. Три залпа! Вымести эти кусты и сразу же прочесать. Крапу, вы хотели посчитаться со стрелками? Прошу. В вашем распоряжении тридцать человек. Гийом, бери ещё полсотни. Поднимешься до того шиповника и ударишь еретиков с тыла. Видит Господь, они сами выбрали смерть, как до этого выбрали ересь.

### 3

Они подменили стрелков Альфорки под самым носом лоассцев, а те ничего не поняли! Стрелки отошли, чтоб вернуться, когда бой откатится вверх, Маноло, на бегу подмигнув Хайме, скрылся в кустах, и тут же перед юношей возник белолобый с тесаком. Первый настоящий враг в его жизни!

Солдат в нелепом колпаке шагнул вперёд, занося руку, сверкнула чужая сталь. Хайме поднял шпагу, а дальше, дальше всё получилось, как на тренировке – ложный удар, ненужная защита... Сильной частью своего клинка Хайме отбросил чужой в сторону. Правый бок противника был открыт, а теперь – кинжал! Как легко вошло, будто бы и не в тело. Повезло, что лоассец был лишь с тесаком... Вообще повезло!

– Слева, – крикнул беловолосый горец, – бесноватые!

Высокий человек с белой головой словно нехотя махнул клинком и пропал, его сменил солдат с изуродованным лицом. Почти старик... Первый же выпад ветерана едва не стал для Хайме последним, но юноша как-то увернулся. Они замерли друг против друга среди хрипящей свалки. Злые тёмные глаза завораживали, подхлёстнутое нахлынувшим страхом сердце бешено колотилось. Хаммерианин был страшен и опытен, скольких он уже отправил на тот свет? Скольких ещё отправит? Рука Хайме судорожно сжала эфес. Ветеран усмехнулся, показав неровные зубы. Юноша тряхнул волосами, отгоняя навалившуюся слабость и, очертя голову, ринулся вперёд. Хаммерианин рассмеялся и слегка шевельнул рукой. Раздался отвратительный хруст – горская рогатина вошла белолобому меж рёбер... Хайме пролетел мимо упавшего врага, запнувшись обо что-то податливое и неживое, выскочил из зарослей и замер, сжимая клинки, не зная, что дальше.

Впереди, очень близко, лежала дорога. Пустая. Таскавшие камни белолобые отошли под прикрытия аркебузирова, а те торчали недобелеными столбами. Прицельно бить они не могли – мешали солнце в глаза и густая листва. Хайме завертел головой, соображая, куда бежать. Совсем рядом рухнул хаммерианин, покатился вниз по рыжему склону. Выскочивший следом за юношей Фарабундо поудобней перехватил ставшую красной рогатину, что-то крикнул. Хайме не понял,

но бросился к горцу. Сверкнуло, отразась от клинка, солнце – наперерез мчался здоровенный лоассец. Юноша развернулся навстречу, но солдат пробежал мимо. Хайме обернулся – ниже по склону белолобые прижали кого-то к камням. Кажется, Лихану и одного из загонщиков. За спинами нападавших было не разобрать, но бегущего на подмогу лоассца Хайме остановил. Белолобый передёрнул плечами и замахнулся. Левша! Целит в голову! Юноша отпрыгнул, лоассец, уворачиваясь от кинжала, тоже. И налетел на Фарабундо.

Облизнув губы, Хайме глянул вниз. Лихана остался один, но его спину прикрывал камень. Муэнец сделал выпад, Хайме скрипнул зубами и обернулся на топот. Удар, чужая кровь на лице, полный ненависти взгляд и смерть. Тоже чужая.

Юноша перешагнул длинное тело, он опять был один. Слева трое горцев вовсю орудовали рогатинами, справа упал загонщик, а Фарабундо сцепился сразу с двумя. Помочь? Хайме оглянулся на Лихану, в пыли и мелькании спин и рук ничего не было видно, но будь муэнец мёртв, белолобые бы занялись живыми. Хайме тряхнул головой и бросился на помощь. Сзади кричат? Не важно! А вот и противник. Скрещённые клинки, удар, парирование... Он ответит, он знает, как отвечать! Тяжёлая дубина ломает лоассцу руку и тут же второй конец врезается в суконный лоб.

– Не дури! – рявкает загонщик. – Держимся вместе!.. А теперь – к сеньору!

Паписты не стали отступать, приняв бой в тех самых зарослях, откуда стреляли. Сошли с ума? Может, и так. Господь, решив наказать, лишает разума... Что ж, тем лучше, Гийом и Крапу пожмут друг другу руки на могиле еретиков. Может, даже, помирятся, но Гийому лучше бы поторопиться. Паписты огрызаются, как звери, да они звери и есть. Упрямые, злобные, дикие... И это даже хорошо. Резать монахов и паломников – дело не солдат, а палачей, но муэнские охотники развязали слугам Господа руки. Онсийцы пролили кровь, да падёт она на их головы!

Лабри опустил трубу, чтобы протереть уставшие глаза, а когда вновь поднял, понял, почему паписты не отступили. Сверху, от роши, наперерез солдатам Гийома спешил новый отряд. Склон был довольно крут и усыпан валунами, но странные фигуры прыгали по камням, словно горные бараны. Что-то яростно сверкнуло раз, другой, третий... Лабри, не веря уставшим глазам, сунул трубу Роже.

– Посмотри, что там?

– Сейчас, господин полковник, – Шетэ-младший сжал окуляр, словно шпагу, – мой полковник, они... Они в доспехах!

Значит, не показалось. Это солнце отражается от металла, что нацепили на себя прыгуны. И как же легко и быстро они

двигаются!

– Надо же, доспехи, – буркнул Лабри, злясь на папистов и почему-то на себя. Крапу, будь он рядом, сказал бы что-то вроде «и чего только в этой глуши не встретишь?», но граф со своими ранами в бою, а Матье Лабри торчит на обочине.

– Господин полковник, – простонал Роже, – господин полковник, что же это? – Надо было прикрикнуть на забывшего лейтенанта и отобрать трубу, но Лабри не крикнул и не отобрал. Своими дальнотзорными глазами он видел, как фигуры в доспехах врезаются в бок наступающим, как начинается резня. Солнце дробилось не только на шлемах и кирасах, но и на клинках. На длинных широких клинках, которых не видели на полях сражений уже лет сто.

Сейчас с этими мечами вышло семеро. Против полусотни, но каждый удар забирает по жизни. Адская семёрка стальным клином шла вперёд, выкашивая солдат, как пшеницу, а вокруг клубилась пыль и хмурой стеной вставали заросли. На склоне шёл бой, и только Господь ведал, что там творится и сколько еретиков скрывает кровавый холм.

## Глава 8

### 1

Отец Лолы упал – шпага лоассца пронзила седого хитано



насквозь, Пепе и Берто исчезли, но Лопе все ещё прикрывает спину... Бой не кончен, господа хаммериане! Вас никто не звал, и вы не пройдёте. И не уйдёте! Бертильо вас не выпустит. В память Сан-Марио, в память всех нас!

Выстрел пистолета свалил хромого загонщика, давно не видно Мигелито, но и бесноватым невесело. Нового подкрепления у них нет, значит, де Гуальдо дерутся. Достойные люди, жаль, он так и не заехал в замок. Два вечера слишком мало, разве что после... После боя или после смерти? Ушедшие спина к спине узнают друг друга хоть в раю, хоть в преисподней, не могут не узнать!

Ещё трое? Четверо? Берёте в кольцо? Ну-ну...

– Лопе!.. Обернись! Лопе!!!

Упал. Лицом вниз. Мёртв? Ранен? Не подойти, не узнать, только увести от тела этих, не дать добить... Если есть кого добивать!

– Вы... Дьявольское отродье, сюда! Хотели де Ригаско? Это я!

К дереву! Оно не упадёт и не отступит. Только б не зацепиться за корень! Ринулись следом, а Лопе лежит, не шевелится. Ты почти неистовый Александр... Почти, потому что один с сотней справится только в песне... А как насчёт четверых? Хруст, топот, странный звонкий крик... Птица? Вопль лоассца, белые от бешенства глаза, метнувшаяся наискось тень, сдвоенный выпад.

– Убирайся к дьяволу!.. И ты тоже, каналья!

– Сеньор!... Держитесь... Мы тут!

Горцы с дубинами.... Пробивают проход. Трое на трою, ты больше не Александр и опять жив! Кинжал застрял в груди белолобого, не вытащить... Уцелевший лоассец отскакивает, уворачивается от дубин, мчится к своим.

– Сеньор, у вас кровь.

– Чужая... Надеюсь!

На другом конце поляны, в кустах орудуют двое местных. Белолобые опасаются лезть на рогадины... Слуги Господа, черти б их взяли! Так вниз или вверх? Лошади ждут за гребнем. Лошади, Иньита, жизнь...

Сколько их осталось? С дюжину, не больше. Люди падали один за другим... Более слабые погибли первыми, так было, так будет. Неплохая охота, шли на зверя, а нарвались на хам-мериан. Нужно пробиться к загонщикам, а дальше? Лошади готовы, а к де Гуальдо всё равно не прорваться. И к Маноло с Себастьяном... Хайме с Лиханой тоже внизу. Ещё дерутся или уже мертвы? Им не вырваться, но те, кто здесь? Хитано, уцелевшие охотники, стоящий на коленях Пабло... Их ещё можно вывести. Это не бегство! Они вернутся вместе с солдатами и разорвут белолобых на куски. Сегодня же вернутся!

Свист бича, щелчок, похожий на выстрел, низкий яростный вой. Мигелито жив и лупит наотмашь. По глазам, рукам, шеям, рассекая кожу, разрывая мышцы, валя с ног. Лоассец с кинжалом отшатывается, чтобы нарваться на шпагу. Отправляйся в ад!

– Сеньор...

– Что на дороге?! Ты видел?

– Камни...

Баррикада ещё не разобрана! Альфорка оставит белолобых в покое лишь мёртвым. Значит, нужно идти вниз. Вниз, к де Гуальдо, Маноло, Лихане. Покончить с этими и идти...

## 2

В первый раз за свои сорок шесть лет Матье Лабри мог лишь молиться. Он не мог отозвать Мату, Бустона, Гийома, Крапу, потому что сбесившиеся паписты вцепились в завал, как дьявол в грешную душу. Не перерезав этих сумасшедших, дорогу не расчистишь, а в обход идти поздно. Нельзя было и встать плечом к плечу с товарищами, так как полковник отвечал перед маршалом и Господом за проклятый монастырь, до которого ещё нужно было добраться. Оставалось сжимать кулаки и шептать святые слова, готовые оборваться богохульством, потому что еретики убивали. Без жалости, без смысла, не щадя себя.

Дрались по всему склону. Того, что творилось в верхних зарослях, было не разобрать, просто из жёлто-зелёной стены проступали и вновь исчезали смутные силуэты да ползли поодиночке вниз выбравшиеся из ада раненные. Те, кто мог ползти. Роже пытался их расспрашивать, но солдаты мало что знали. Папистов оказалось больше, чем думалось пона-

чалу. Рядом с охотниками дерутся нечестивцы из адуара. Бу-стона не видели. Мату четверть часа назад был жив, а Гийома Лабри раз за разом замечал в гуще схватки. Великан не струсил перед бронированными монстрами. Он делал что мог, стягивая вокруг безликих сверкающих фигур живое кольцо. Лабри отдал бы всё на свете, чтобы встать рядом со старым другом, но его место было здесь.

Только теперь полковник понял, что выпало маршалу Танти у Сальса и Сан-Марио. Посылать в бой товарищей. Тех, кого ты знаешь в лицо и по именам, и ждать, зная, что вернутся не все. Это страшнейшее из испытаний, ниспосланных Господом, горшей муки нет и в аду!

А может, всё-таки рискнуть? Господь не допустит его смерти, ведь от него зависит исход всего дела! Обойти заросли слева, отправить Гийома вниз, собрать растерявшихся... Нечестивцев надо разделить. Пока они вместе, они непобедимы, но стоит повалить хоть одного, и железный строй будет сломан. Останется разметать еретиков в разные стороны и добивать поодиночке. Если броситься закованному в железо убийце в ноги и опрокинуть, он не поднимется!

– Роже!

– Мой полковник?

– Я... Дай флягу. – Гийом не глупей тебя, на голову выше и вдвое сильнее. Смирись и делай, что должно. Это гордыня толкает под руку и шепчет, что ты справишься лучше. Не слушай! Верь Гийому, верь своим солдатам, ты их подбирал

по одному, ты знаешь их не первый год, они не подведут.

– Упал! Мой полковник, один упал!..

Так и есть, хвала Господу! Сверкающая фигура рухнула в пыль, подняться ей не дали, навалились, сели верхом, мелькнула занесённая для последнего удара рука... В железном строю образовалась брешь, её не успели закрыть! Сатанинский меч треснул и развалился на два осколка, между которыми набивались все новые и новые солдаты. Вновь мелькнул Гийом. Старина и без лат и шлема не уступал папистам ни в росте, ни в силе!

Матье Лабри шумно выдохнул воздух. Это малыш Роже может кричать и размахивать пистолетом, но какие же молодцы! Как быстро перегруппировались и окружили бронированные тройки со всех сторон. Проклятых еретиков не спасут ни доспехи, ни тяжёлые мечи!

### 3

Они вместе! Между молотом и наковальней, но вместе, а хаммериане всё ещё топчутся у завала. Солдаты не опоздают, просто не смогут опоздать. Главное сделано, теперь собраться в кулак и вырваться, обманув ещё и смерть. Сколько минут они уже отыграли? Сколько жизней?

Карлос де Ригаско попробовал шевельнуть плечом, едва не взвыл от боли и обернулся, выискивая Доблехо или Мигелито. Как раз вовремя, чтобы встретить двоих белолобых

лицом к лицу. Некстати, но уж как есть, а поодиночке твари не нападают... Даже на раненых... Тот, что впереди, отвлекает внимание, второй пытается зайти слева. Кружат вокруг, берегут шкуру. Опытные ребята, но не мастера клинка. Утром в пять минут стали б покойниками, час назад и то было бы проще. Дьявол бы побрал великана со шпагой, хотя он его и побрал... А вот рука висит как плеть...

Выстрел за спиной. Предсмертный крик? Неужели Лихана? Как же жаль! Бросок слева... Нашёл время, сволочь! Звон клинков, белолобый отскакивает. Недалеко, чует кровь... Не отстанет, значит, нужно убить.

Длинная тень рассекает прогалину. Охотник вопреку мчится вперёд, два длинных кинжала словно клыки. Наперерез кидаются трое, горец падает наземь, перекачивается, вскакивает, вспарывает налётчику брюхо и исчезает из виду. Из ниоткуда возникает Доблехо с залитым кровью лицом. Жив! А вот двое белолобых – нет! Кто сказал, что нельзя бить в спину? Сейчас можно всё...

– Где Маноло? Хайме?

– Маноло был жив.

Был...

– Что с тобой?

– Плечо. И спина... Собирай всех... Уводи... Через гребень...

– Давай... Ты...

– Убирайся!

Доблехо кивнул, резко повернулся, бросился к камням, за которыми кипела свалка. Просвистел кинжал, оцарапал шею. Этого ещё не хватало! А вот и хозяин кинжала, невысокий, юркий... Уж лучше бы великан! Хаммерианин приближается, заходит от солнца – чёрный, окружённый сиянием силуэт... И второй, тяжелее, шире, с дубиной. Свой. Из людей де Гуальдо. На него кидаются толпой, не давая размахнуться. Помощи не будет, но шпага у тебя в руках, жаль, что за спиной всего лишь шиповник.

– Подлый папист! – не крик – визг, дикие глаза, перекошенная морда. – Умри!

– После тебя! – откаться в сторону, пропустить разогнавшееся тело, вогнать шпагу в спину... Как просто... Как медленно он падает! А коршуны все кружат и кружат.

– Сеньор, давайте вверх! – Мигелито, нашёлся... Какой он всё-таки огромный! – Сеньор...

Птицы в пронизанном светом небе. Алые пятна на чёрных крыльях... Лихана рассказывал... Или де Гуальдо? Оба мертвы, а земля стремительно уходит из-под ног. Склон, заросли, лента дороги, всё словно в тумане... Какой высокий холм. Как много пыли, ничего не разобрать.

– Мой сеньор!..

– Выведи Хайме!.. Он где-то здесь!

Земля стремительно отдаляется, но мечущиеся фигуры обретают чёткость. Проклятье, как же больно глазам!

– Я оседлала коня...

Белёсый склон, сухие, мёртвые травы, камни и трупы... Как много... На ногах только двое де Гуальдо, они в плотном кольце, но бой ещё идёт. Длинный меч поднимается и сносит голову в белом колпаке. Голова падает на грудь другого покойника. Сверкающая фигура вновь заносит клинок... Пистолетная вспышка, шарик дыма... Может, доспехи и выдержали, но человека шатнуло назад, он споткнулся о чей-то труп и упал, оставив родича с неприкрытой спиной. Одного.

– *У твоего сына будут твои глаза.*

Дорога... Почему она так близко? Где де Гуальдо и мертвецы? Маноло?! Откуда?..

Альфорка, шатаясь, поднимает пистолет... Целится в кого-то высокого у обочины. Меж стрелком и целью бросается темноволосый мальчишка. Падает в пыль. Падает и Маноло. Сердце стрелка остановилось до выстрела, но он всё же нажал на спуск.

Свет и лицо Лолы. Алый цветок у виска, мёртвый Маноло, запёкшаяся рана, слипшиеся от крови волосы, малиновый шиповник над головой, солнечный свет, тени и дорога. Она уходит всё дальше вниз, становится лентой, перетянутой жгутом веной, тонкой, серой нитью, сливается с бурым холмистым морем.

– *У твоего сына будут твои глаза...*



# Глава 9

## 1

Знакомая фигура мелькнула в гуще вспыхнувшей с новой силой схватки. Хайме застыл, веря и не веря глазам. Карлос?! Назло белолобым, набившимся между отрядами де Ригаско и Лиханы? Юноша вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит. Сомнений не осталось. Карлос в окровавленной рубашке, шатаясь, отступал к кустам, потом его загрозила высокая фигура... Мигелито! Взметнулся бич, на подмогу хитано бросился горец... Фарабундо. Ему наперерез ринулась чуть ли не целая толпа. Белолобые загрозили и Карлоса, и хитано, но юноша успел заметить, как упал один лоассец, как схватился за голову другой, и тут что-то полоснуло по бедру. От неожиданности Хайме пошатнулся и торопливо огляделся: рубанувший его на бегу белолобый был уже в нескольких шагах – спешил присоединиться к большой свалке.

Любоваться первой раной пришлось недолго – хаммериане чуяли кровь не хуже гиен. Хайме опёрся на здоровую ногу, готовясь огрызаться до последнего. Штанина набухала кровью, но больно не было. Подоспевшие налётчики переглянулись и засмеялись. Их было двое, и они всё ещё смея-

лись, когда свистнувшая рогатина вонзилась в живот тому, кто был ближе. Белолобый с бычьим мычаньем свалился под ноги товарищу, сбив того с ног. Юноша шагнул, достав упавшего клинком. Нога действовала, а за плечом был друг.

Охотник, метнувший рогатину, словно копье, сморщился и рванул древко – массивный наконечник с чавканьем вырвался из живого тела. Хайме схватился за горло.

– Идти сможешь?

– Да... Там у шиповника... Надо посмотреть!

– Нет.

– Там Карлос!

– Нет.

Передышка кончилась: хаммериане не собирались упускать добычу. Вместе с охотниками и хитано Хайме отступал к роще, а белолобые шли следом. Они падали, но меньше их не становилось. Фигуры в белых колпаках казались одинаковыми и отвратительными, словно в кошмаре. Они были всюду: появлялись, лезли на шпаги и рогатины и сами кололи и рубили, сливаясь в живое безликое нечто, от которого не оторваться.

На траву упала призрачная сетка. Тень... Прогалина кончилась, уступив место зарослям. Тут не пофехтуешь и не попрыгаешь. Хайме торопливо сунул шпагу в ножны и выхватил второй кинжал.

Стало прохладнее. Под ногу угодил узловатый корень, резкая боль напомнила о ране, но кровь вроде остановилась.

Странно, бедро болело меньше, чем плечи. Сбоку затрещало – белолобые пёрли напролом. Охотник, оттолкнув Хайме, выставил рогатину, её лезвие было красно-бурым. Первый из хаммериан отшатнулся и зацепился за низко торчащую ветку. Горец не мешкал – предназначенное для кабана широкое отточенное перо с лёгкостью вошло неудачнику под челюсть.

– Бежим! Быстрее!

Они вывалились на очередную прогалину, почти налетев на троих дерущихся хитано, и Хайме едва не взвыл, узнав Мигелито. Карлоса рядом не было, его не было нигде!

– Где он, Мигелито?! – Юноша заорал прежде, чем понял, что творит. – Где Карлос?!

Рука хитано слегка дрогнула. Этого хватило – стремительный рубящий удар, и от кнута осталась половина. Мигелито отшвырнул кнутовище, перебросив в правую руку наваху, но против двух шпаг...

Хайме ринулся вперёд. Сверкнула сталь, один из хитано закрыл вожака грудью. Высвободить клинок убийца не успел: Хайме, не удержав разбега, врезался в белолобого, сбил с ног и рухнул рядом. Захотелось прижаться щекой к траве и остаться лежать, но юноша вскочил, а солдат – нет. Наваха оказалась быстрее. Уцелевший лоассец торопливо отшатнулся, давая дорогу, и всё стихло. В который раз за этот бесконечный день.

– Ранен?

– Нет...

Где Карлос? Он же был с Мигелито там, внизу! Неужели почудилось? Шаг влево. Туда, где сквозь просвет в зарослях виднеется склон. Камни, куст шиповника и тела, но чьи? Далеко, не разобрать. Фарабундо яростно машет, нужно идти, но отвести взгляд нет сил. Что-то прошуршало, краем глаза Хайме уловил холодный блеск. Уклоняться было поздно – боль, резкая, настоящая, страшная, обожгла бок. Выплывший из тумана хаммерианин занёс кинжал, но Хайме как-то увернулся. Сверкнула шпага, юноша парировал и её, следующий удар пришёлся в руку, выбив оружие из враз онемевших пальцев, и тут же на голову, ослепляя, обрушилось солнце вместе с сухим горячим небом.

Он ещё пытился, бестолково отмахиваясь кинжалом, ничего толком не видя и не соображая. Потом раздалось обратительное хаканье и хрип. Земля понеслась навстречу, но упасть Хайме не удалось. Кто-то безжалостно подхватил обмякшее тело под руки и поволок вверх по склону...

## 2

Схватка, по сути, закончена, путь свободен. Люди Клеро, не таясь, растаскивают валуны, а проклятые заросли молчат. Безумец, застреливший Роже, был последним. Если б не малыш, на обочине лежал бы полковник Лабри, но Господь не допустил его смерти. Теперь малыш расскажет отцу и о том, что осенью начнётся война, и о своём подвиге. Старик будет

горд за сына, и никто его не посмеет за это упрекнуть. Даже ангелы.

– Сержант!

– Господин полковник!

– Пошлите на холм. Пусть бросают, кого не доби́ли, и возвращаются.

– Слушаюсь!

Чуть промедлил, совсем немного, и ушёл. Вояку можно понять. Уйти не отомстив, не швырнув последнего паписта стервятникам, не похоронив своих, это испытание. Страшное испытание, но его нужно пройти, слишком высоки ставки и слишком много времени потеряно. Теперь боя в монастыре не миновать. Ночного боя в окружении, и как же будет не хватать Гийома. Почему его забрали именно сейчас? Почему, Господи, ведь он нужен здесь! Он служил тебе всей душой, или это знак прощения? Капитан Пивоне искупил папистскую юность и теперь чист.

– Господин Лабри, я не понимаю!

– Вам это и необязательно.

– Полчаса, нам нужно ещё полчаса!

– У нас нет ни минуты.

– Именем короля! – Глаза Крапу становятся бешеными, как у того ублюдка с пистолетом. – Я приказываю!

– Именем Господа и по приказу маршала, – пальцы Лабри уверенно ложатся на кожаную рукоять, – ещё слово, и я вас расстреляю за неподчинение.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.